

ОНИ ВНУТРИ

МАРГАРИТА ЗВЕРЕВА

Маргарита Зверева

Солнце внутри

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверева М.

Солнце внутри / М. Зверева — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093500-0

Случайная встреча семилетнего Адама и Барона – пожилого одинокого физика с оригинальными взглядами на бытие – круто меняет судьбу мальчика, до того обещавшую быть непримечательной. Впрочем, меняет она и жизнь мужчины, который относится к своему подопечному словно к родному сыну. Исповедуя гедонизм, Барон игнорирует течение времени и избегает привязанностей. Этому он учит и Адама. Однако теория пребывания в золотом коконе начинает трещать по швам, когда Адам познает любовь и связывает себя узами с девушкой, обреченной на скорую смерть...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093500-0

© Зверева М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

7	6
14	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Маргарита Зверева

Солнце внутри

© Зверева М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*В точке покоя подвижного мира
Ни плоть, ни бесплотность; ни сюда, ни отсюда.
В точке покоя свершается танец.
Там нет остановки, и нет там движенья.
Но не подумай, что это статичность.
Место встречи прошедших годов и грядущих.
Не стремление к или от, не подъем, не паденье.
Только в точке опоры, только в точке покоя,
Только там мыслим танец, только там он и есть.*

Т.С. Элиот.
Четыре квартета

7

Когда мы впервые встретились с Бароном, мне было семь лет, а ему шестьдесят три года, и с таким же успехом ему могло быть сто двадцать шесть или все пятьсот. Он отнюдь не выглядел дряхлым, но в моих глазах уже давным-давно перешел точку невозврата, после которой заканчивалось живое детское время, бесконечное, измеряющееся ночами до следующего дня рождения, и начиналась вялая законсервированность взрослого бытия. Точка невозврата мне виделась в районе лет двадцати. И понимание того, что когда-нибудь ее с большой вероятностью достигну и я, было сумрачным, не более чем одной из многочисленных сказок, которая могла оказаться как чистой правдой, так и выдумкой.

Сопящий на соседней кровати Барон и я были двумя планетами, вращающимися в одной галактике, но не имеющими прямой связи. И уж точно не перерастающими друг в друга. Он находился всего в двух метрах от меня, но был так далек, что рассматривал я его, словно через подзорную трубу со своего надежного берега. Его густые седые волосы, его длинные усы, фиолетовые круги под глазами на фоне холодной бледности, его безвольно сложенные руки на выпуклом животе под бледно-зеленой простыней. Мне было его жаль. Хотя чисто объективно я находился в не менее уязвимой ситуации, чем он. А именно – на больничной койке.

Позже я часто думал о том, как сложилась бы моя жизнь, не окажись мы тем знойным летним днем в самом разгаре затопленных светом и новизной восьмидесятых в одной палате. Перетасованные судьбой, как игральные кости в стаканчике, и выброшенные именно в то время в том месте. Была бы она – моя жизнь – более простой? Вероятно. В ней было бы меньше терзаний и меньше вопросов. Она была бы более спокойной. Потому что никто бы не схватил меня за шиворот и не стал трясти на протяжении долгих, долгих лет. Образно говоря. Хотя разное бывало. Да, она была бы более простой и спокойной. Но и более инертной и безвольной. И теперь я уже ясно понимаю, что за одно это я обязан Барону до конца своих дней.

Тогда же я просто маялся от скуки среди попискивающей медицинской аппаратуры, уставшей и безучастной, как сами врачи, и нисколько не ощущал судьбоносности предстоящей встречи. Я смотрел на прозрачную трубку, тянущуюся от капельницы к кисти старика, и развлекался представлением о том, как он будет надуваться все больше и больше, пока наконец не...

– Отвратительно, не правда ли? – внезапно распахнул он покрасневшие глаза и пронзил меня злым взглядом, как будто это лично я всадил ему иглу в вену.

Я вздрогнул от неожиданности и стыдливо уставился на свои острые, торчащие коленки. Его глаза как-то раздраженно скользили по моим волосам, профилю, плечам и тем самым острым коленкам. Я прикусил губу и покраснел. В конце концов он шумно выдохнул и отмахнулся, непонятно от чего.

– Ты – ребенок, – констатировал он.

Я не знал, требовался ли от меня какой-то ответ. После краткой схватки вежливости и смущения победила вежливость.

– Так точно, сэр, – пролепетал я.

Недавно мне подарили проигрыватель для пластинок, который быстро стал центром детской комнаты, а может быть, и всей вселенной. Я не на шутку увлекся английскими приключенческими историями и все мечтал о возможности произнести эту фразу, пахнущую черным чаем, цилиндрами и кораблями. Старик приподнял впечатляющие брови.

– Сэр? – переспросил он.

– Простите, – поник я.

– Да нет, – пожал он плечами. – Ты почти угадал.

Прищурившись, он вновь пытливо измерил меня с головы до ног.

– Можешь называть меня Бароном, ребенок, – сказал он наконец благосклонно.

Я удивленно покосился на него.

– Барон? – почесал я за ухом. – Как Барон Мюнхгаузен?

– Барон Мюнхгаузен – дурак, – закатил мой сосед водянистые глаза. – Но примерно так, да.

– Почему же он дурак? – обиделся я за Барона Мюнхгаузена.

– Потому что... – пылко начал Барон, но сразу осекся и вновь пронзил меня оценивающим взглядом.

Мне стало неловко и немного жутко, как на экзамене. Барон сглотнул и откашлялся.

– Потому что нет ничего более важного в этой зыбкой жизни, чем здравый рассудок и реалистичное видение происходящего, – закончил он свою мысль.

Я растерянно моргал. В мутное окно нашей палаты отчаянно билась муха с оглушительным жужжанием и дребезжанием, а спертый воздух был пропитан йодом и дезинфекцией, как вата. Барон обреченно вздохнул и страдальчески почесал переносицу.

– Ты ничего не понимаешь, – строго отметил он. – Разумеется. Ты – ребенок.

Он оставил в покое свою переносицу и пригвоздил меня взглядом к больничной койке.

– У тебя есть имя, ребенок? – спросил он довольно торжественно.

– Адам, – выпалил я, радостный, что наконец точно знаю, что сказать.

– Адам, – повторил Барон и отплыл снова куда-то вглубь. – И каких же ты, интересно, кровей, Адам?

– Кровей? – расстроился я.

Момент просветления оказался недолгим.

– Не тех ли самых? – задумчиво протянул Барон, обращаясь скорее к мухе, чем ко мне. – И волосы у тебя темные, и глаза нахальные...

Я уже почти решил, что могу себе позволить обидеться на взрослого, как Барон вынырнул обратно из своих мыслей и усмирил меня колким взглядом.

– А впрочем, это, может быть, и неплохо, – сказал он, задрав подбородок. – Адам...

Барон ухмыльнулся и несколько раз повторил мое имя на разные лады. То с презрением, то с умиленным удивлением. Оно перекатывалось у него во рту и каждый раз звучало по-новому и по-чужому. Я несколько насторожился. Все-таки взрослые не так часто проявляли ко мне столь пылкий интерес, и в голове волей-неволей всплывали страшилки о коварных преступниках. В палате мы были одни, не считая жирной мухи. Медсестры только изредка проносились мимо открытой двери, а врачи вообще заглядывали скорее случайно и по ошибке. Единственным, что вселяло некое чувство защищенности, был катетер, торчащий в запястье моего странного соседа.

«Далеко за мной не убежит», – решил я и самонадеянно улыбнулся.

– Да не бойся ты, – фыркнул Барон. – Очень ты мне нужен.

Улыбка застыла на моем лице.

– Ты просто ребенок, – раздраженно закатил глаза Барон. Нрав у него был еще тот. – Дети! Привыкли, что все носятся вокруг вас, как ошпаренные, попы вытирают, конфеты суют! Думаете, что вы – пуп вселенной, а все остальные – ваши рабы. Правда ведь?

Я задумался.

– Вот-вот! – прикрикнул Барон. – Правда! При этом вас ни капли не интересует все это скучное закулисье, да? Как вообще весь этот мир устроен, как процессы налажены, сколько рутинной, каждодневной работы за всем этим стоит... Главное, чтобы ваша игровая площадка блестела и сверкала и не переставала удивлять новыми игрушками! Так?!

Я задумался еще крепче. Барон громко хлопнул себя по бедру, и какой-то прибор испуганно забил тревогу.

– Вам плевать на каторгу, через которую проходят взрослые, чтобы обеспечить вам этот нескончаемый Диснейленд! – ткнул Барон в меня пальцем, перекрикивая верещащий писк. – Вам плевать на обязанности! Вам плевать на страдания! Вам плевать на...

Вдруг Барон словно подавился своими словами, выпучил глаза и схватился за грудь.

– Что с вами?! – вскочил я с кровати, но в ребрах кольнуло так, что я взвизгнул и снова упал на скомканную простыню.

В дверях появилась пышная медсестра с немного размазанной розовой помадой. Не торопясь она прошла к испуганно вопящему прибору, выключила его и повернулась к пациенту.

– Снова приступ, что ли? – вяло поинтересовалась она.

– Нет! – отмахнулся от нее Барон широким жестом. – Уходи!

– Знаете что! – насупилась медсестра и уперла кулаки в бедра. – В следующий раз вообще не приду! Так и помрете на фиг!

И, выпорхнув в коридор, она захлопнула за собой тяжелую дверь, чтобы подчеркнуть свои намерения.

– Дура, – плюнул ей вслед Барон.

Палату вновь заполнил шум бьющейся в окно мухи. Барон перестал хвататься за грудь и взгляделся в меня уже куда менее враждебно и даже заинтересованно.

– Скажи, ребенок, – проговорил он напряженным шепотом, – как ты относишься ко... времени?

– Ко времени? – не понял я.

Не без усилий мне удалось найти более-менее удобную позицию, и я пыхтел от напряжения и боли в ребрах.

– Ну да, – выдохнул Барон и поднял вверх кулак, из которого выпали маленькие часы и, открывшись, повисли на цепочке. – Ко времени. Боишься ли ты его?

– Боюсь ли я его? – снова переспросил я, как полоумный.

Часики раскачивались гипнотизирующим маятником под белым кулаком Барона.

– Любишь? – предложил Барон очередной вариант.

Вид у меня был, должно быть, совсем озадаченный, потому что Барон и не дожидался ответа.

– Думаешь ли о нем?

Я слегка двинул затекшей шеей.

– Как я и подозревал, – взволнованно прошептал Барон и захлопнул часы. – Ты живешь изо дня в день, из часа в час. Тебе на него наплевать, не так ли?

– На время? – откашлялся я.

– Да... Да! На время! – взмахнул Барон руками.

Я потер кончик носа и сморщил лоб.

– Нет, ну я, конечно, иногда думаю, что было бы хорошо, если бы в дне его было больше, – выдал я результат своих кратких размышлений. – Если бы где-нибудь оказался лишний часик. Например, вечером перед сном. Где-то там. Чтобы можно было еще заняться чем-нибудь интересным.

– Лишний часик, – умиленно сложил Барон ладони на сердце. – Как это мило! Как это невинно!

У меня закралась мысль, что надо мной, вероятно, издеваются, и я обиженно отвернулся.

– Нет! – спохватился Барон. – Это то, что надо! То, что надо! И как я раньше до этого не додумался!

Он волновался все больше, и я уже испугался, что сейчас снова что-нибудь заверещит. Краем глаза я увидел его протянутую ко мне руку и повернулся обратно. Барона было не узнать. Глаза его блестели, и он словно помолодел. Казалось, еще чуть-чуть, и катетер вывалится из его кисти, а сам Барон взлетит.

– Дети! – потряс он рукой, чтобы подчеркнуть гениальность мысли. – Это же почти что животные!

У меня отвалилась челюсть, но Барон не обращал на меня никакого внимания.

– Это то самое недостающее звено!

– Недостающее что? – отважился я все-таки на вопрос.

– Звено! Часть! – просиял Барон.

– Часть чего?

– Плана! – покраснелся он. – Идеи! Той самой идеи!

– Простите, я ничего не понимаю, – в свою очередь, рассердился я.

– Конечно, ты ничего не понимаешь! Ты – ребенок! – радостно всплеснул руками Барон. –

В этом вся твоя прелесть!

В одно мгновение на меня навалилась одурманивающая усталость, и я со вздохом опустился на приподнятую спинку койки. Для себя я решил, что не стоит пытаться прорваться сквозь путаницу мыслей сумасшедшего старика.

За пыльным окном солнечный свет постепенно тускнел, хотя до темноты в это время года было еще далеко. Видимо, даже муха почувствовала наваливающуюся тяжесть предвечерья, последний раз без энтузиазма хлопнулась в стекло и устало опустилась на подоконник. В коридоре приглушенно стонали пациенты, которым не хватило места в палатах, и смеялись медсестры, а стены и мебель настолько были пронизаны страхом и одиночеством этого места, что я вдруг вспомнил – обычно дети в такой ситуации плачут. И заплакал. Барон даже вздрогнул от неожиданности. По его растерянности и скованности сразу было видно, что своих детей у него никогда не было. Но сдерживать слезы я не мог, и они градом катились по моим бледным щекам и капали с подбородка на грудь.

Барон напряженно вытянулся и откашлялся.

– Ну... Тише, тише... – шикнул он наконец, как актер, первый раз читающий слова с листа. – Скоро мама придет.

Тут он прищурился и вновь погрузился в свою привычную мрачность.

– А где, кстати говоря, твоя мама? – спросил он строго. – Она вообще у тебя есть?

Я несколько осекся и вытер запястьем слезы с одной щеки. Той, что была ближе к Барону.

– Есть, конечно, – отрапортовал я смущенно.

– И почему она не здесь? – вздернул Барон голову.

– Она... – Я сам не сразу смог вспомнить, почему моей мамы не было рядом со мной в таком плачевном состоянии. – Она...

Воспоминания вернулись метким ударом в солнечное сплетение.

– Она сердится на меня, – ответил я грустно.

– Сердится? – поднял Барон одну бровь. – За что?

– За то, что я...

Мне было не особо приятно воспроизводить происшествия последних дней, и я уже хотел сделать вид, что просто забыл, но Барон смотрел на меня настолько требовательно, что меня прорвало.

– За то, что я в школе написал, что хочу стать телевизором, когда вырасту, – выпалил я и покраснел.

Брови Барона поднялись еще выше. Я понял, что требовались дополнительные разъяснения, и набрал побольше воздуха в легкие, что оказалось не совсем безболезненным.

– Ну, нам задали домашнее задание. Последнее перед каникулами. Написать, кем мы хотим стать, когда вырастем, и почему. И я написал, что хочу стать телевизором, потому что мама и папа его любят и с удовольствием проводят с ним время. Тогда учительница...

Меня прервал взрыв оглушительного смеха. Барон схватился обеими руками за живот и согнулся вперед. Его плечи содрогались и тряслись, и я уже готов был снова обидеться, потому

что надо мной так бесцеремонно хохочут, но тут он резко выпрямился и улыбнулся мне восторженно.

– Это гениально! – взмахнул он рукой. Элегантно, как дирижер. – Дальше! Говори дальше, ребенок!

– Ну... – попытался я вспомнить, на чем остановился. – Да. Написал... А учительница позвонила маме и позвала ее в школу на родительское собрание. И показала ей. И всем остальным тоже. А потом...

То, что было потом, вспоминать особо не хотелось.

– А потом? – подбодрил меня Барон.

– А потом она вернулась из школы домой, – вздохнул я, и в ребрах снова закололо. – Красная и заплаканная. Ей никогда еще не было так стыдно, она сказала. И рассказала все папе. А папа до этого выпил... Не помню сколько. Но точно выпил.

– И? – уже с опаской спросил Барон.

– Ну и влетело мне, – пожал я плечами.

– Так влетело, что тебя пришлось везти в больницу? – сухо поинтересовался Барон.

Смех его основательно куда-то испарился. Трудно было поверить, что минуту назад он взрывался фейерверком в нашей палате.

– Не сразу, – вытер я сопли и шмыгнул носом. – Только на третий день мама решила меня все-таки сюда привести. Потому что до этого было не так уж страшно. Но на третий день... Это просто потому, что я неправильно лежал, так получилось.

Барон невнятно крикнул и сложил руки на груди. Над нашими койками повисла грозная туча.

– Скажи, Адам, а что конкретно произошло от того, что ты неправильно лежал? – спросил он.

Я посмотрел на него растерянно.

– Что у тебя? – пояснил Барон вопрос.

– Ой, три ребра надломаны, – с готовностью поведал я. – Но это не страшно. Даже гипс не нужен. Просто... это... как его? Щадить себя! Вот! Двигаться мало, в общем.

– Даже гипс не нужен. Какая прелесть, – пробормотал мой сосед себе под нос.

Как любой ребенок, я не любил, когда кто-то был мной недоволен. Но еще больше я не любил, когда кто-то был недоволен моими родителями. В какой-то степени это еще серьезнее колебало глубинные основы уверенности в себе, чем критика лично меня.

– Но я, конечно, глупо написал. Надо было заранее думать, а не... – начал я, но был тут же остановлен властным жестом Барона.

– Тсс! – мотнул он головой и грозно прижал указательный палец к усам. – Люди – примитивные существа и склонны верить тому, что они слышат. В том числе от самих себя. Так что не надо лишний раз повторять чужой бред.

Я стал расстроено мять простыню, чтобы чем-нибудь занять слегка дрожащие пальцы.

– Простите, но мне теперь надо лечь спать, – тихо проговорил я в сторону своих коленок.

– Что? – очнулся Барон и тряхнул гривой седых волос. – Ах да, разумеется... Спать.

Детям надо много спать. У них же просто море времени...

Я опасливо покосился на него, но он только вздохнул и сам опустился на подушку.

– Спи-спи, пока у тебя много времени, – буркнул он из-под усов.

– Но вы же тоже вроде собрались спать, – почесал я за ухом.

– Мой ум никогда не дремлет, – закрыл глаза Барон и сложил руки крестом на груди. –

Я не сплю, я перерабатываю информацию.

– Так, может, я тоже перерабатываю информацию? – робко предположил я.

Барон приоткрыл один глаз и выстрелил в меня из него оценивающим взглядом.

– Нет, ты – просто спишь, – решил он.

– Ладно, – пожал я плечами и улегся на бок. – Тогда я теперь буду просто спать, если вы не против.

За окном, в которое я теперь смотрел, закат ложился на небо розовой сахарной ватой. Летом я никогда не засыпал так рано, но боль и скука последних дней изрядно вымотали меня, и я быстро провалился в бездумный сон, даже не пожелав моему новому знакомому спокойной ночи, которой он, по всей видимости, особо и не жаждал.

– Распишитесь, пожалуйста, вот здесь...

Зашелестела бумага.

– И здесь...

Молодой мужской голос прорывал туман моего сна, словно ножницами, и быстро кромсал его на куски. Я издал недовольный стон и попытался ухватить улетающее забвение за хвост, но день настал резко и необратимо.

«Почему я лежу на камнях?» – подумал я, скривив лицо. Ребра так сильно ныли, что боль ложилась кислым, противным привкусом во рту, отдавала во все тело и где-то в легких. Еле-еле попадающий туда воздух казался колким и чужим, и с каждым вдохом тошнота подступала к горлу. Глаза я никак не мог до конца разлепить из-за склеенных каким-то липким песком ресниц, а зубы были мягкими и шаткими. Чувствовал я себя в общем и целом отвратительно.

– Шикарно! – послышался женский голос, и я не сразу сообразил, что он принадлежит не кому иному, как моей маме. Хотя по одному только этому слову можно было понять, что говорит именно она. Не так давно мама услышала его из уст какой-то нравившейся ей актрисы и с тех пор не упускала возможности применить его – по делу и без.

«Шикарно! Просто шикарно!» – искусственно смеялась актриса на красной дорожке, закидывая голову так, что локоны касались голой спины.

– Шикарно! Просто шикарно, доктор! – сверкала мама глазами врачу, подписывая мою выписку разваливающейся ручкой.

Я наконец сумел раскрыть до конца глаза и с неимоверными усилиями сел в кровати, чтобы как следует рассмотреть происходящее. Мама и врач повернулись ко мне с некоторым удивлением.

– Ну, привет, дружок, – ухмыльнулся молодой врач и забрал у мамы ручку, и я заметил, что она покраснела, когда его пальцы коротко коснулись ее руки. – Как дела?

– Здравствуйте, – отозвался я хрипло.

– Как самочувствие?

Я многозначительно вздохнул.

– Ничего, – похлопал он меня слишком сильно по плечу и подмигнул. – До свадьбы заживет.

– Ха-ха, – хихикнула мама.

Я угрюмо уставился в стену.

– Главное, больше со шкафов не летать. – Врач снова хлопнул меня по плечу, и я пожалел о том, что каждое движение дается с такими мучениями и я не могу просто взять и отсесть на соседнюю койку.

– Какой шкаф? – процедил я сухо.

Из-за спины врача мама сверкнула глазами. Я не подал виду, что заметил ее.

– Шкаф, с которого ты учился летать, – снова подмигнул врач, и мне отчаянно захотелось запустить ему чем-нибудь в лоб. – Как этот... Как вы сказали? – обратился он к маме.

– Как Питер Пен, – выпалила она и опять настойчиво сверкнула мне глазами.

Я и так все прекрасно понимал, но то, что она приплела в эту историю такую поэтическую деталь, меня почему-то особенно покорило.

– И стульев сторонись, – не мог уговориться врач. – Ты вообще помнишь, что твой полет закончился не очень-то мягким приземлением на стуле?

– Стул я помню, шкаф – нет, – сказал я угрюмо в стенку, и мамино напряжение передалось даже моему телу.

Но я и тогда не был глупым. Я был маленьким, но отнюдь не тупым и даже не наивным. Хотя, наверное, это можно сказать практически обо всех детях. Вполне вероятно, что они – просто мастерские актеры, которыми были вынуждены стать по вине самих взрослых. Теперь мне уже трудно судить, потому что я слишком отдалился от детства. Но моя память работает отменно и четко, как швейцарские часы. Часы, которые не смог сломать даже Барон. Но я забегая вперед...

Тогда, в той палате, я не пытался переосмыслить прошлое и уж точно не думал о будущем. Я был весь в этих блеклых стенах, в этих накрахмаленных простынях, в этой боли и еще больше возросшей отчужденности. Но я не оценивал эти ощущения. Я просто принимал их как погоду и делал то, что надо было делать.

– Собирайся, – сухо скомандовала мама, провожая спину врача тоскливым взглядом. – Тебе помочь?

Я осторожно протянул руку к вещам, висящим на спинке стула. Боль немного отступала, заржавевшие за ночь мышцы потихоньку расхаживались.

– Просто дай мне одежду, – попросил я и добавил в ответ на мамино вызывающее бездействие: – Пожалуйста.

Глубоко вздохнув, она выполнила мою просьбу и потеряла веки.

– Ты не думай только, что тебе одному тяжело, хорошо? – сказала она уставшим голосом.

– Не думаю, – подтвердил я покорно.

– Нет, серьезно, – вскинула мама голову и сморгнула пару слезинок. – Ты можешь себе представить, каково мне сейчас? Школа, соседи, врачи... Всем надо что-то объяснять. Как будто так сложно хоть раз просто оставить меня в покое!

– Мама...

– Вот! Всем постоянно что-то надо от меня! Эльвира, а что случилось? Эльвира, а где Адам? Эльвира...

– Мама, я застрял, – выдохнул я из-под ночнушки, которую так и не смог стянуть через голову.

– Ой, – спохватилась мама и быстро сдернула ее с меня.

Я опустил руки и почувствовал, что наэлектризованные волосы встали дыбом. Мама посмотрела на меня и наконец улыбнулась более-менее искренне.

– Ты выглядишь как птенец, вывалившийся из гнезда, – посмеялась она и провела ладонью по моей голове.

– Спасибо, – криво улыбнулся я в ответ.

Мама аккуратно сложила больничную ночнушку на коленях и грустно погладила ее.

– Прости, Дася, – проговорила она наконец тихо.

От удивления я перестал дышать. Мама кивнула пару раз сама себе и повторила:

– Прости...

Она явно собиралась продолжить мысль, но не смогла с непривычки. Мне же этого было более чем достаточно. Это было гораздо больше, чем я ожидал. Что было, конечно, не особо сложно, потому что не ожидал я вообще ничего. Но тогда мне показалось, что я стою на пороге какой-то новой жизни. Я готов был броситься маме на шею, зацеловать ее, но сдержали ноющие кости.

– Мир? – осторожно предложила мама.

– Мир! – засиял я.

– Тогда идем домой?

– Идем!

Совместными усилиями мы натянули на меня одежду и собрали немногочисленное имущество с тумбочки.

– Барон! – спохватился вдруг я.

– Что-что? – не поняла мама.

– Моего соседа больше нет!

– А, этот старик, – посмотрела мама на пустую койку. – Слышала, как медсестры ругались сегодня утром, что он просто взял и пропал ночью. Просто ушел, и все! И как он пробрался мимо охраны?

Будучи немного знакомым с особенностями характера Барона, я несколько не удивился такому повороту, но тем не менее немного расстроился. Я сам не знал, как представлял наше прощание, но, по крайней мере, мне казалось, что оно должно состояться – в той или иной форме. Я досадливо пожал плечами и перевел взгляд к окну. На подоконнике лежала муха, топорщась сухими лапками вверх. В груди что-то остро жалось, и в глазах защипало.

– Доктор! – воскликнула вдруг мама и вскочила. – Подождите!

По пути к коридору она коротко обернулась.

– Давай выходи, я стою тут...

И я остался один в палате. Один с мертвой мухой. Я аккуратно спустился с кровати и встал на ватные ноги. До подоконника было всего два шага, но проделать их оказалось нелегко. И дело было не только в моем плачевном состоянии, но и в стене, отталкивающей меня от неподвижного тельца. В той тайне, покрывающей колоколом опустошенное тело. Тайне, физическое присутствие которой разучились ощущать взрослые, но которая видима каждому ребенку. Смерть была страшной и могучей, как черная река. Но то, что в нее нырнула муха, вовсе не означало, что когда-нибудь и мне придется в нее окунуться.

Проткнув тайну пальцем, я коснулся мертвого тельца. Муха была пустая и сухая, как солома. Я поежился и отпрянул. Пора было идти. Я решительно отвернулся от окна и бросил последний взгляд на свою койку. Мятая простыня, сбитая подушка... Я вздрогнул. Из-под подушки выглядывала довольно толстая серебряная цепочка, которой там раньше совершенно точно не было.

Похолодевшими от волнения пальцами я взял ее и вытянул часы. Те самые, которыми Барон гипнотизировал меня накануне. В моих руках они казались более крупными и неуместными, словно прилетевшими сюда из прошедших времен, и только глубокий холод серебра свидетельствовал о том, что они были не галлюцинацией. Я провел большим пальцем по резьбе на крышке и нажал на маленькую кнопку на верхней стороне. Часы открылись и выплюнули сложенную в несколько раз бумажку, которую я подхватил свободной ладонью. Я уже хотел вновь захлопнуть часы, чтобы поскорее прочитать послание, но тут что-то необычное на циферблате привлекло мой взгляд. Нахмурившись, я поднес часы ближе к лицу. В лучах света засверкали кристаллики пыли, и я чихнул. Шмыгнув носом, я еще раз всмотрелся в циферблат.

Нет, мне не померещилось. Вместо двух или трех стрелок на этих часах было девять. Я быстро пересчитал их несколько раз подряд, чтобы не ошибиться, сам не понимая, почему их точное количество так важно. Девять. Девять. Да, девять. Они были разбросаны более-менее равномерным веером и не двигались. Для верности я поднес их к уху. Часы стояли.

– Адам!

Я вздрогнул и чуть не выронил новообретенное сокровище, но все же сумел удержать часы, поскорее захлопнул их и сунул украдкой в карман вместе с бумажкой. Мама стояла в дверях с нетерпеливо протянутой ко мне рукой.

Судя по ее напряженному тону, разговор с врачом не удался.

– Давай уже! Сколько можно ждать?

Я в последний раз осмотрел палату, повернулся к сухой мухе, чтобы шепнуть прощание, и ступил из больничной пресности в свет.

Отец сидел ровно на том же месте, на котором я видел его перед отъездом в больницу. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, так как он сидел там вообще практически всегда. А именно – на диване. Перед телевизором. Тем самым.

На экране мельтешили кадры, вроде бы каждый раз новые, но одновременно до тошнотворности знакомые и одинаковые. Услышав закрывшуюся входную дверь и наши шаги, отец повел шеей в нашу сторону, но так и не смог до конца повернуть голову и уставился мимо нас в стенку. Мама мягко подтолкнула меня вперед. Я не собирался сопротивляться, но мои ноги сами уперлись в скрипнувший пол, так что маме пришлось приложить видимые усилия для моего продвижения.

– Ладно, не надо, если не хочет, – вздохнул отец, так и не посмотрев на меня, и перевел взгляд на телевизор.

Мои ладони похолодели, а сердце застучало о треснувшие ребра. Я не хотел бояться его и сам на себя злился. «Он сейчас не пил, – попытался я успокоить свои подкошенные нервы. – Все хорошо». Я заставил себя сделать еще один шаг ближе к дивану и положил руку на спинку. Отец покосился на меня через плечо. Его кожа блестела, как намазанная растопленным салом, а светлые глаза казались слишком маленькими над разбухшим носом. По телевизору полицейская машина гналась за бандитской меж небоскребов по улицам какого-то далекого большого города, и я невольно засмотрелся. Отец досадливо нажал на пульт, и экран погас. Это случилось настолько редко и уж точно не посреди фильма, что я коротко впал в ступор.

– Хочешь поговорить? – сухо спросил отец.

Я перевел взгляд несколько раз от телевизора к отевающим глазам папы и обратно и искренне пожал плечами.

– Обижаешься на меня, – то ли утверждающе, то ли вопрошающе сказал отец.

Мой ступор только углублялся. С одной стороны, сложно было не обижаться на кого-то, кто, грубо говоря, сломал тебе ребра, но, с другой стороны, на родителей обижаться вроде нельзя. Закрыв поплотнее рот и выпучив глаза, как рыба, я принялся рассматривать тускло-мрачный интерьер нашей гостиной. Квартира нам досталась еще от бабушки с дедушкой, и вот уже лет двадцать никто не удосуживался сделать ремонт. Не то чтобы меня это особо коробило. Нет-нет. Я бы и не замечал обесцвеченных отколупывающихся обоев в цветочек, протертой коричневой кожи дивана и запыленных люстр, если бы на этот счет не велись громогласные разборки каждый божий день. Мама говорила, что жить так больше не может и не собирается, отец говорил, что сделает этот несчастный ремонт, мама говорила, что он это говорит уже как минимум десять лет подряд и что она наймет кого-то, отец говорил, что поломает руки сначала этому кому-то, а потом самой маме, мама говорила, что тогда уйдет из этой квартиры, отец говорил, чтобы она катилась на все четыре стороны, мама кидала что-нибудь на пол или в стенку, потом плакала, потом отец пил, а мама убирала осколки, потом они уставали ругаться и шли спать – кто в спальню, кто на диван. До следующего вечера.

– Ты меня слышишь? – помахал отец мозолистой ладонью у меня перед носом.

Поморгав, я заставил себя взглянуть ему в глаза.

– Я сказал, прости... меня... что ли, – споткнулся отец о каждое слово.

Я с готовностью улыбнулся и кивнул.

– Ну вот и славно, – неумело потрепал отец меня по плечу.

Я сморщился от колющей боли в ребрах. По лицу отца пробежала доселе невиданная смесь испуга и вины.

– Ладно, – сглотнул он и нажал на пульт. На вспыхнувшем экране как раз дали кому-то кулаком в нос. – Иди поиграй.

Облегчение было столь окрыляющим, что я буквально влетел в свою комнату, невзирая на все же существенный дискомфорт в теле. Спиной я навалился на закрывшуюся со сладким звуком дверь и сразу залез в обещавший приключения карман. Всю дорогу я осторожно касался часов кончиками пальцев, чтобы убедиться в их реальности и сохранности. Но только сейчас смог наконец проверить, не потерялась ли бумажка. Когда я нащупал ее рядом со знатно потеплевшим серебром часов, губы мои растеклись по лицу в блаженной улыбке. Одним скачком я оказался на пружинистой кровати, бережно выложил рядом с собой часы, коротко наслаждался секундой невозможно сладкого предвкушения и немymi пальцами развернул послание. К моему великому разочарованию, оно состояло всего из нескольких слов и не содержало никаких вселенских истин. «Котельническая набережная, 1/15, высотка, этаж 20, квартира 202. В любое время. Оно подстроится». Буквы были выведены красивым каллиграфическим почерком, и разобрать написанное мне стоило немалых усилий.

– Подстроится? – наморщился я и вновь провел пальцем под последними словами. – Время... Оно... поз... Да нет, под-стр-стро-строит... Ну, да, подстроится...

Я почесал затылок. Если я понял все верно, то Барон звал меня к себе в гости. Высотка на Котельнической мне была хорошо знакома, так как мы часто проходили мимо нее по дороге в продовольственный магазин, хотя до сих пор она и казалась чем-то вроде сказочного замка, обитаемого людьми настолько иного разряда, что они мне скорее виделись инопланетянами. И поверить в то, что один из них попал не просто в больницу, а еще и в одну и ту же палату со мной, было довольно сложно. Но тем не менее это произошло, и доказательство тому я в данный момент держал в руках. Меня, значит, звали в гости. В рай, так сказать. Еще и в любое время. Это было как-то очень не по-взрослому и изрядно смущало меня. Еще больше меня, конечно, смущало утверждение, что это время возьмет, скрипнет стрелками и подстроится под мои планы, словно оно намерено хоть кому-то подчиняться. И уж тем более моей малости.

– А может, Барону? – задумчиво проговорил я вслух и провел указательным пальцем по рельефной крышке часов.

Из гостиной доносились грохот пулеметов и предсмертные крики. Я вздохнул и посмотрел в пыльное окно, но, как обычно, не увидел ничего, кроме бетонных стен и куска ярко-голубого летнего неба, не желающего участвовать в моих колебаниях.

– А почему и нет? – спросил я наконец кусок неба.

Планы о побеге к высотке сами по себе начали строиться в моей голове. Сначала осторожно, потом все более настойчиво и отважно. И, вопреки всем детским страхам и непростым обстоятельствам, я тогда отчетливо понял, что пойду к Барону.

Случай для осуществления задуманного представился довольно скоро, как это обычно бывает с воплощением назойливых идей, которые не покидают мозг ни на секунду. К своему великому позору, я должен признаться, что просто нагло сбежал от отца, улучив момент потери бдительности. Это было легко. Таких моментов у него было много, они всплывали из одурманенных алкоголем инстинктов и ложились вязкой пеленой на поле зрения. И если раньше они были скорее редкими, то по ходу развития моей самостоятельности и его употребления определенной жидкости становились практически сплошными, всего только местами перемежающимися проблесками озарения. Правда, эти проблески были весьма непредсказуемыми и могли вспыхнуть то тут, то там в хаотичных интервалах. Иногда отец мог не замечать меня часами, а иногда хватал за шкуру, как только я принимался за свои более-менее запретные дела, считая, что нахожусь в полной безопасности.

Но в этот раз я был почти уверен, что мне отведен неплохой кусок времени. На выходе из магазина, позвякивая бутылками меж овощами и пачками макарон в пакете, отец столкнулся со своим давним знакомым, которого не видел чуть ли не со школьных дней. Услышав постукивание стекла, знакомый охотно согласился поговорить по душам на ближайшей лавочке, а

меня отправили на детскую площадку неподалеку. От волнения у меня зашекотало в ногах и ладонях, и я еле сдерживался, чтобы сразу не пуститься бежать со всех ног в сторону набережной. Но я спокойно дошел до печально разваливающейся, ржавой площадки, оглянулся на погруженного в разговор и бутылку отца, завернул за угол и только тогда понесся со всех ног.

Вблизи высотка казалась еще более внушительной, чем раньше. Задрал голову так, что побаливало в шее, я шурился ввысь на отточенные каменные груды, ажурные башенки, тянущиеся к пробегающим мимо облакам, и бесчисленные темные окна, за которыми прятались могучие и недоступные для глаз недостойного мира. К горлу подкрался острый ужас. Внезапно я ощутил полную невозможность своего внедрения в эту величественную крепость. Не для меня она была предназначена.

Но тут прямо передо мной приземлилась большая ворона и так серьезно заглянула мне в глаза, словно только ради этого и прилетела. Я поежился и попятился назад. Ворона каркнула. Я попятился быстрее. Ворона каркнула громче и забила отдающими серебром крыльями. Я остановился. Ворона сделала пару прыжков в сторону главного входа и снова посмотрела на меня. Я сделал шаг назад. Она грозно каркнула. Я набрался мужества и приблизился к ней. Довольная, она сделала еще пару прыжков к дверям.

– Мне идти? – прошептал я, и порыв ветра взметнул мои волосы.

Ворона каркнула в последний раз, взмыла вверх и улетела. Делать было нечего. Я преодолел ступеньки, подошел к тяжелым дверям и открыл их. Из холла потянуло влажной прохладой и несколько болотным запахом затхлости и химии. Я ступил на блестящий, как черный лед, мраморный пол, и дверь медленно закрылась за мной с тяжелым вздохом, который эхом пронесся по пустому холлу и оставил след на безупречной тишине. Прямо передо мной, по ту сторону холла, светился открытый лифт, как будто он только и ждал меня, и я оторвался от всего этого мрамора и направился к нему, притягиваемый, как магнитом.

– Ну и куда?!

Я так перепугался, что подпрыгнул. Метнув дикий взгляд влево, я встретился глазами с пожилой, усохшей дамой в очках и с аурой репейника. Незаметной, но противно колючей, с фиолетовым платком на шее. Она сидела за небольшим столиком под поникшей пальмой и, прищурившись, просверливала во мне дырки. На столике лежали исписанный кроссворд и пестрое вязание. Я был готов поклясться, что до этого на этом самом месте не было ни дамы, ни столика, словно они были выхвачены в эту секунду из какого-то параллельного пространства. Но теперь сомневаться в реальности дамы не приходилось. Вдоль моего позвоночника стекла струйка пота, а в лицо ударила кровь.

– Куда? – спокойно, но ядовито повторила дама и поправила очки белым указательным пальцем.

– К Барону, – просипел я.

Глаза и губы дамы-репейника сузились до щелок. Я закусил нижнюю губу и принялся ее жевать от напряжения. Умение дамы расчленять жертву, не касаясь ее, впечатляло.

– Этаж и квартира, – рявкнула она.

Я слотнул и ответил еле слышно. Дама пожевала впалым ртом.

– Ну иди, что я могу тебе сказать, – смилостивилась она наконец, так и не расслабляя мимики.

– С-спасибо, – заикнулся я и так рванул к лифту, что споткнулся о собственные ноги и вмазался лбом в холодный пол.

– Все в порядке! – крикнул я, вскакивая, хотя прекрасно понимал, что даме нет совершенно никакого дела до моего самочувствия, и влетел в лифт, как в спасательную шлюпку.

Он поприветствовал меня, мигнув лампой. Я решительно подпрыгнул и метко ударил пальцем по нужной мне кнопке. Коротко подумав, лифт загудел, задрожал и захлопнул дверцы. Я с облегчением выдохнул и прикрыл веки, но расслабление было недолгим. Внезапно лифт

двинулся с рывком, который чуть не опрокинул меня на пол. С выпученными глазами я замахал руками, чтобы поймать равновесие, и прижался поплотнее к дребезжащей стенке. Лифт карабкался вверх весьма неуверенно, то и дело касаясь шахты и мигая светом.

«Такое ощущение, что наверху кто-то стоит и тянет его», – подумал я и уже готов был пожалеть о задуманной аванюре, как лифт так же резко остановился, распахнул двери и буквально выпихнул меня какой-то невидимой силой в мягкий свет просторного коридора.

Выпрямившись, я с опаской глянул через плечо на лифт, но он только недовольно фыркнул, закрылся и с грохотом помчался снова вниз. Мне показалось, что из шахты донесся крик, и я сильно зажмурился и потряс головой.

– Хватит психовать! – скомандовал я сам себе.

Эту фразу я часто слышал в свой адрес и предположил, что она должна работать каким-то образом, даже если она исходит из моих собственных уст.

Мне действительно стало несколько спокойнее, и я обвел взглядом место, в котором оказался. Общим между этим коридором и нашим было одно лишь название. В принципе единственное, что наводило на мысль о промежуточности этого помещения, были многочисленные двери. Во всем остальном коридор напоминал скорее гостиную или приемную, с мягкими коврами, деликатными лампами и даже диванчиком с журнальным столиком. На дверях красовались аккуратные таблички с номерами квартир, и я стал медленно продвигаться вдоль них, повторяя про себя нужное мне число, чтобы оно ненароком не выпало из головы в самый ответственный момент.

Квартира Барона оказалась, как и стоило ожидать, в самом конце коридора. Я встал перед ней, как перед шкафом, ведущим в Нарнию, в последний раз наскреб остатки отваги и протянул руку к звонку. Не успел я нажать, как дверь щелкнула и открылась. С легким скрипом она, не спеша, распахнулась, словно сама по себе, и открыла мне вид на круглую прихожую, одновременно мрачную и наполненную разноцветными бликами.

Все опасения и весь мой страх как рукой сняло, и я с готовностью ступил в квартиру Барона, как в сказочный лес. Черно-белый пол напоминал шахматную доску, а я был конем или всего лишь пешкой, движимой по ней невидимой, но властной рукой. Посередине прихожей размером с нашу гостиную я остановился и задрал голову к высокому куполообразному потолку. Вокруг хрустальной люстры порхали цветные пятна. Я сморщил лоб и поморгал. Видение не пропало. Всмотрелся повнимательнее и перестал дышать. Под потолком действительно кружили бабочки. Большие и яркие. Они то присаживались на светящийся хрусталь, то отталкивались от него, чтобы показывать красоту своих крыльев с разных ракурсов. Пол под мной размягчился и поплыл. Голова закружилась невозможно приятным шекотанием.

За моей спиной кто-то деликатно откашлялся. Я обернулся обратно к двери, которая оказалась уже закрытой, и встретился взглядом с худощавым мужчиной во фраке. Бакенбарды плотно обхватывали его костлявое лицо и подчеркивали длинный, изогнутый вниз, как клюв, нос. Маленькие глаза смотрели, с одной стороны, на меня, а с другой – сквозь меня, натренированные видеть и не видеть одновременно. Одну руку он спрятал за спину, а на другой держал перед собой серебряный подносик, на котором лежало что-то круглое, отзеркаливающее свет люстры.

– Прошу вас, сэръ, – сказал дворецкий и коротко кивнул на поднос.

Я подошел к нему и взглянул на предлагаемый предмет. Это были часы. В отличие от тех маленьких, которые мне оставил Барон в больнице, эти шли и имели всего две стрелки.

– Плюньте, пожалуйста, – сказал дворецкий в мою макушку.

Я поднял на него вопросительный взгляд. Снизу открывался вид на его длинные, кривые ноздри.

– Плюньте на часы, – пояснил он без эмоций.

– Как? – прошептал я одними губами.

– Вы не умеете плевать, сэр?

– Слюной?

– Предпочтительно.

У меня дернулась щека от нарастающего недоумения.

– Прошу вас, – настойчиво покосился на часы дворецкий.

Во рту у меня так пересохло, что собрать даже небольшое количество жидкости оказалось непросто. В конце концов я преодолел себя и свое назойливое воспитание и аккуратно плюнул на сверкающее стекло.

– Благодарю, – сухо сказал дворецкий и протер часы тряпочкой, которая оказалась в другой руке.

Я отступил на шаг назад и застыл, таращась то на него, то на поруганные часы.

– Сколько лет, сколько зим! – послышался раскатистый голос Барона, который показался в одной из боковых дверей.

Он шел ко мне с распростертыми руками, и я уже испугался, что он захочет меня обнять, но он остановился в метре от меня и потерял ладони. От больничной потрепанности не осталось и следа. Барон выглядел не просто опрятно или даже шикарно, а по-настоящему аристократично. Поверх белоснежной рубашки была накинута шелковая жилетка янтарного цвета, а на строгого края воротнике красовалась овальная малахитовая брошь. На пальцах Барона я заметил два крупных гербовых кольца, сделанных из золота и, по всей видимости, того же малахита. Это я только сейчас восстанавливаю такие, казалось бы, несущественные детали. Тогда мне врезался в память просто весь внушительный образ Барона. Я не думал ни о деньгах, ни о власти, а только о возможных приключениях.

– Вообще-то еще не прошло ни одной зимы с тех пор, как мы с вами познакомились, – робко сказал я. – И даже лето пройти не успело.

– Тс-тс-тс-тс, – поморщился Барон, словно у него резко заболел зуб. – Скажи мне, что ты только что сделал?

– Я... вошел сюда, посмотрел на бабочек и плюнул на часы? – покорно перечислил я свои последние действия.

– Ты плюнул на время, юный мой друг, – хлопнул меня Барон по плечу тяжелой ладонью, повернулся на каблуках и властным жестом приказал мне следовать за ним.

С развевающимися волосами он прошел в одну из комнат, и я поторопился за ним, кинув короткий взгляд на застывшего статуей дворецкого. Мы оказались в просторном, но довольно перегруженном помещении. Мои глаза разбегались во все стороны одновременно, и я не мог долго остановить взгляд ни на книжных полках, возвышающихся до самого потолка, ни на чучеле ревущего медведя, ни на тяжелых занавесках, обтекающих продолговатые окна, за которыми чувствовалась стремящаяся прочь из своего города Москва-река, ни на громадном камине, перед которым стояли обитые кожей диваны, отдающие чем-то почти что животным, ни на клетках с бабочками и мелкими птичками, расставленных вдоль свободных стен. Но нечто все же смогло приковать к себе мое рассеянное внимание. Это был огромный черно-белый портрет старичка совершенно сумасшедшего вида. Его белые волосы стояли дыбом, как будто он только что сунул палец в розетку, а из-под усов тянулся длиннющий язык. Старичок сильно напоминал добродушного спаниеля.

– Знаешь, кто это? – заметил Барон мой взгляд.

Я стыдливо покачал головой.

– Это – Альберт Эйнштейн, – поднял Барон к портрету пузатый бокал с карамельной жидкостью, который, видимо, успел налить себе, пока я рассматривал его жилище. – Слышал про такого?

– Да, – соврал я.

– Величайший человек, – метнул Барон на меня колкий взгляд, явно почувствовав неладное. – Физик. Ты интересуешься физикой?

Я налился краской. Я, конечно, уже слышал такое слово, но ясного представления о его значении не имел.

– Ладно, не столь важно, – вздохнул Барон. – Я все забываю, что ты чертовски маленький и глупый.

Я насупился.

– Но! – ткнул Барон указательным пальцем в мою сторону. – В этом твое безграничное преимущество. Поэтому я и позвал тебя. Присаживайся!

И он сам со вздохом опустился на один из кожаных диванов. Я не очень любил «присаживаться» со взрослыми, как они это называли, потому что обычно за таким присаживанием следовали не особо приятные разборки моего неподобающего поведения, и я, сделав пару шагов, замылся около медвежьего чучела.

– Да не бойся ты, – закатил Барон глаза и щелкнул пальцами над головой. – Магда!

В тот же момент в комнату впорхнула взволнованная худенькая девушка в черном платье и белом фартучке, словно она все это время только и ждала за дверью, что ее позовут.

– Магда, принеси нашему почетному гостю что-нибудь из этой сладкой гадости, за которую дети обычно готовы душу продать, – скомандовал Барон, не смотря на нее. – У тебя нет аллергии или непереносимости или прочей какой-нибудь ерунды? – обратился он ко мне. – А то сейчас все такие нежные. Чуть что, сразу отекают и задыхаются. Мне этого тут точно не надо.

Я покачал головой.

– Ну вот и славно, – кивнул он трепещущей Магде. – Шоколада, питьевого и твердого, птифуров поцветастей и лимонных маффинов. И Виртуэллу.

– Чтобы ее съесть? – побледнела Магда.

Барон хлопнул ладонью по лбу.

– Чтоб тебя съесть! Нет, разумеется! Живую! Смотри мне, глупостей не натвори, а то знаю я вашу женскую логику.

Губы Магды задрожали, и она выбежала мелкими летящими шажками из комнаты.

– Вот дура, – с нежностью вздохнул Барон и зажег сигару. – Но миловидная и неслышная. Не правда ли? Можно сказать, трогательная. Так?

Я наконец сел на второй диван, стоящий под прямым углом к тому, на котором восседал Барон, и пожал плечами.

– Правильно, тебя не интересуют женщины! – поощряюще улыбнулся мне Барон и затянулся сигарой.

– Или девушки, или девочки, – продолжил он, выпустив дым неспешными облачками. – Все одно и то же. Все мимолетно, но нервы треплет изрядно. Нам нужны потрепанные нервы?

– Н-нет, – предположил я и закашлялся.

– Тебе мешает дым? – расстроился Барон. – Вот это зря. Сигары – одна из моих самых любимых отрад в жизни. Но ладно... Успеется.

Я стыдливо молчал и пытался подавить очередной порыв кашля. Барон тем временем и не думал прекращать курить. За спиной послышался стук посуды, и я повернул голову. Раскрасневшаяся и закусившая губу Магда балансировала с подносом с такой горой сладостей, которая в те далекие времена дефицита любому гражданину нашей страны показалась бы муляжом. Но из чашки поднимался пар витиеватыми клубками, а запах шоколада был столь сильным, что в районе сердца у меня что-то начало плавиться и растекаться от невыносимости прекрасного. Как загипнотизированный, я не мог оторвать глаз от подноса, пока Магда не взгромоздила его передо мной на журнальный столик. И только тогда я наконец заметил еще куда более экзотичный предмет.

Предмет был прикреплен к голове Магды, рядом с белоснежным чепчиком, и таранился на меня. «Кажется, у кого-то пунктик на чучелах», – подумал я. Но тут чучело ожило, забило крыльями и закричало самым противным голосом, на который только было способно, как мне позже довелось узнать.

Больше от неожиданности, чем от испуга, я заорал. Перепугавшись, в свою очередь, заорала и Магда, закрыв лицо тонкими руками. Барон продолжал спокойно пить свой коньяк. Зеленое чучело подлетело ко мне и дало мощным клювом по лбу. Магда в слезах убежала. Так мы познакомились с Виртуэллой.

– Она просто не терпит женщин, – вздохнул Барон, когда снова воцарилась тишина. – И правильно делает. Не надо было Магде давать ее нести. У них и так отношения тяжелые.

Попугайка – иначе ее было не назвать – Виртуэлла тем временем уселась на моем плече, вонзив когти в кожу, и теребила мне ухо.

– А вот ты ей понравился, – довольно отметил Барон.

– А зачем она мне тогда в лоб дала? – поинтересовался я, боясь двинуться.

– Чтоб не верещал, как баба, – пояснил Барон.

Я покосился на серьезную птицу, но краем глаза смог увидеть лишь размытое зеленое пятно. Надо сказать, что вопреки моей телесной скованности присутствие птицы меня внутренне действительно расслабило. А когда я посмел двинуться и дотянуться до чашки дымящегося шоколада, план Барона окончательно сработал.

– Зачем вы меня позвали? – спросил я, откинувшись на твердую спинку дивана, на которую переместилась Виртуэлла.

– Чтобы ставить над тобой опыты, – без капли иронии ответил Барон.

Я подавился тягучей жидкостью и закашлялся.

– Да ладно тебе, – закатил Барон глаза. – Это вместо радости от возможности положить свою жизнь на алтарь науки?

Поверх чашки я выпучился на него в ужасе, хотя и не до конца понял его слова.

– Ладно, шучу я, – смилостивился Барон и одним легким ударом указательного пальца стряхнул с сигары пепел в деревянную пепельницу. – Я просто хочу с тобой поговорить. Об одной теме, которая уже на протяжении многих десятилетий никак не дает мне покоя. Ты спрашиваешь, почему именно с тобой? С глупым ребенком?

Я ничего не спрашивал, а только неопределенно повел плечом.

– Именно поэтому, отвечу я тебе, – невозмутимо продолжал Барон. – Это может показаться странным, но... Но я только в больнице по-настоящему осознал, что существуют дети. Это звучит странно?

– Да, – кивнул я и отпил побольше шоколада.

– Да! – крикнула за моей спиной Виртуэлла скрипучим голосом.

– Тебя я не спрашивал, дорогая, – ткнул Барон сигарой в сторону попугая. – Боюсь, конечно, ошибиться, но сдаётся мне, что ты вообще впервые в своей сравнительно долгой жизни столкнулась с таким явлением, как человеческий ребенок. Не правда ли?

Виртуэлла промолчала.

– Что я хочу сказать, – элегантно помахал Барон сигарой в воздухе и прищурился, – это то, что я, разумеется, отмечал наличие детей в этом мире, но никогда не видел в них людей.

Я нагнулся вперед и потянулся к лимонному маффину, светящемуся желтым солнцем посреди груды шоколада.

– Полагаю, что это может звучать обидно в твоих маленьких незрелых ушах, – говорил Барон, обращаясь скорее к Москве-реке, чем ко мне, – но ты меня выслушай. Раньше дети мне виделись как некие недолуды, которые только должны еще созреть, дозреть до наличия хоть малейшего разума и самообладания... Поэтому я не обращал на них ровным счетом никакого внимания. Они были мне не просто неинтересны, они меня даже раздражали, так что я пред-

почитал избегать их, как предпочитаю избегать все, что меня раздражает. Зачем лишний раз нервы трепать, так? – Барон глубоко затянулся сигарой, плавно выпустил дым через ноздри и затем метнул на меня пронзительный взгляд. Я даже перестал жевать маффин.

– Но ты! – взлетели брови Барона. – Уж не знаю, в тебе и твоей выдающейся личности ли дело или просто-напросто в правильном моменте, но... Я вдруг понял, что вы, дети, – не просто незрелые люди. Вы – совершенно отдельный биологический вид!

Я растерянно похлопал глазами и продолжил жевать (пока не поздно).

– Ладно, не биологический, – согласился Барон с каким-то доводом, всплывшим в его собственной голове, – но идейный. Ваше мышление, ваше видение мира же отличается от взрослого разительным образом, правильно?

Я так напряженно слушал и боялся не понять очередного вопроса, что чувствовал себя как на экзамене.

– Мы... – сглотнул я слюну и откашлялся. – Мы думаем часто не так, как взрослые, наверное.

– Наверное, – фыркнул Барон. – У тебя просто еще не развита саморефлексия.

Я виновато улыбнулся.

– Неважно, – откинул он слово кончиком сигары. – Это даже не был вопрос. Это констатация факта. Дети – это подвид между животными и взрослыми людьми. Вы еще не научились, не были вынуждены, вернее, подавлять свои инстинкты так называемым разумом. Вы живете по инерции. Вы живете так, как вам нравится. Или, проще говоря, так, как вам хочется в данный момент.

Смысл последних двух предложений я наконец понял и радостно кивнул. Но тут же осекся.

– Ну, в школу мне, например, не нравится ходить, а надо, – сказал я деловито, довольный, что хоть как-то поддерживаю такой серьезный разговор. – Или уроки делать, или пить молоко с пенкой, или доедать суп...

– Хорошо, хорошо, – помахал мне рукой Барон, чтобы я угомонился. – Черт с ним, с супом... Хотя ты прав, в некоторой степени. Школа, уроки, суп... Это уже подавление свободы.

– Да! – дыхнул я восторженно.

Именно в то мгновение – скорее случайно, чем намеренно, – Барон полностью втерся ко мне в доверие.

– А знаешь, в чем ваша свобода? – спросил Барон полушепотом.

– В играх и сладостях? – тоже прошептал я в ответ.

– «O tempora! O mores!»¹ – возвел Барон страдальческий взгляд к высокому потолку.

Я крепче вцепился в свою чашку. Очень не хотелось так легко потерять расположение такой личности. Но, оторвавшись от потолка, Барон посмотрел на меня снова вполне благо-склонно.

– Ваша великая свобода в том, наивный мой друг, что вы не знаете, что такое смерть, – сказал он и с некой горечью отхлебнул коньяка из бокала.

– Но я знаю, что такое смерть, – возразил я. – Я видел мертвую...

– Теоретически, – прервал меня Барон. – Но практически она тебя никак не касается. Ведь правда? Ты когда-нибудь умрешь?

– Ну... – опешил я. – Наверное, да... Как и все люди.

Но пока отвечал, я отчасти понял, что имеет в виду Барон.

– Наверное, – грустно покивал Барон седой головой. – Держись за это «наверное», мальчик. В нем твое бессмертие.

¹ О времена! О нравы! (лат.) (Здесь и далее – примеч. ред.).

Нависла некая меланхоличная тишина, и я был готов поспорить, что заметил слезы в глазах Барона, которые он вновь отвел к окну. Мне было очень стыдно, что я не разделяю его светлой тоски, но я не мог сдержаться и снова откусил кусок невозможно вкусного пирожного.

– Как бы там ни было, – проговорил Барон наконец, – но когда-то тебе придется осознать, что умрешь и ты.

Он глянул на меня со смесью угрызений совести и жалости.

– Я не хочу тебя пугать. Не подумай. Просто я в течение своей длинной жизни пришел к выводу, что всегда и в любой ситуации лучше быть подготовленным, чем брошенным в холодную воду. И учись плавать, как знаешь. А не можешь быстро научиться, так тони себе на здорье. Нет... Лучше быть подготовленным.

Барон встал и подошел к клеткам с суетливо щебечущими канарейками.

– Я понял, что умру, в восемь лет, – сказал он тихо, но отчетливо.

У меня наконец пропало желание запихивать себе в рот как можно больше сладкого, и я замер. Восемь лет – это было скоро. Я повернулся и уставился мимо сверлившей меня строгим взглядом Виртуэллы в спину Барона. Наконец он говорил что-то, что ясно отзывалось в моем уме.

– Я проснулся посреди ночи и понял, что умру, – продолжал Барон, не оборачиваясь. – И земля будет продолжать крутиться, но меня больше не будет. Пустота... Меньше, чем пустота! Ничего! Вот так все просто. Просто и ужасно. И с тех пор я искал путь, чтобы перестать бояться этого дня. Сначала я думал, что шок – а это был именно шок – уляжется, рассосется, может быть, в конце концов улетучится. И действительно, через некоторое время меня перестало трясти, как от лихорадки, я начал снова есть, я получал хорошие отметки... Но с тех пор вязкий страх оставался фоном моей жизни. – Барон горько усмехнулся. – Странно, но я только сейчас осознаю, что мое детство закончилось именно тогда, когда я понял, что не бессмертен. Видимо, это было такой травмой, что я напрочь стер эти ощущения, вообще все то время, из своей памяти и из своих мыслей. Поэтому и не возвращался к теме детства. К детям. Не замечал их. Не учитывал в своих исследованиях. А зря...

– Исследованиях? – отважился я на вопрос, заданный сиплым голосом.

Большинство слов, которые произносил Барон, были мне вполне известны, но смысл их совокупности оставался все же крайне сумрачным. И я цеплялся за каждую соломинку, чтобы оправдать свое присутствие. Барон поставил пустой бокал на ажурную клетку и обернулся к нам с Виртуэллой.

– Исследованиях проблематики времени, – пояснил он вновь предельно сухо. Всякие эмоции вроде печали или сокрушения канули в Лету.

– Проблемы времени? – переспросил я, краснея. – А какие у времени проблемы?

К семи годам я, разумеется, осознавал наличие такой вселенской константы, как время. Я мог взглянуть на часы и сказать, который час, я даже имел некое представление о том, сколько длится этот самый час, я мог договориться с другом на определенное время и особо не опоздать. Я видел, что проходили дни, недели и даже месяцы или скорее времена года. Я принимал наличие времени, как наличие воздуха, земли под ногами и вечной кривоzubой тети Клары в киоске у метро. Я не ставил существование времени под вопрос. Я не думал о том, что у него может быть какая-то проблема, потому что оно было незыблемой данностью. Честно говоря, я вообще о нем не думал.

– У самого времени проблем, может быть, и нет, – сказал Барон и плавно протянул руку, на которую тут же грузно переместилась Виртуэлла. – Но у всех нас, думающих существ, дорогие мои, должны быть очень серьезные проблемы со временем. Потому что оно неминуемо ведет нас к нашей смерти.

Виртуэлла плачевно закричала и захлопала крыльями, и Барон нежно похлопал ее по заходившей ходуном голове. В моих мозгах что-то вспыхнуло, заметало искры и закипело. От давящих на череп мыслей я сдвинул брови и скукожился.

– То есть, – выдал я с трудом созревшую идею, как ржавый автомат выдает блестящую жвачку, – время – наш враг?

И тут Барона в конце концов проняло. Он бросил на меня полный неожиданного восторга взгляд, всхлипнул, отшвырнул возмущенно каркнувшую Виртуэлла, метнулся к дивану, схватил меня за щеки и смачно чмокнул в лоб.

– Я знал! – отдернул он руки, вытер губы тыльной стороной запястья и громко хлопнул в ладоши. – Я знал, что не зря выбрал именно тебя! Ты умнее своих сородичей аналогичного возраста. Куда умнее! Ты готов!

– К чему готов? – испугался я.

– Готов вместить в себя идею! Готов стать моим учеником! Приемником, если так хочешь!

– Учеником? – зацепился я за понятное слово и слегка расстроился. Ассоциации с ним были не самые отрадные.

– Да! Но не бойся! Никаких оценок, нудных уроков и контрольных, – заверил меня Барон. – Все, что от тебя требуется, – это всего-навсего твоя душа!

– Душа?!

Я уже начинал сам себе казаться полоумным, но не мог перестать отзываться эхом на ключевые слова Барона. Сказать, что я был смущен, было не сказать ничего.

– Ладно, оставь душу себе, так и быть, – согласился не на шутку возбудившийся Барон. – Мне нужны только твое доверие и твое безоговорочное подчинение.

– Под... – начал я, но взял себя в руки и перезагрузил вопрос. – Простите, но я не совсем понимаю, что вы от меня хотите.

Широкими шагами Барон обошел диван и встал по другую сторону журнального столика, так что мне тоже пришлось развернуться.

– Я не хочу, а предлагаю! – воздел руки к потолку Барон. – Я предлагаю тебе тайну! Секрет! Разве этого недостаточно, чтобы броситься к моим ногам и благодарить меня?

Я смотрел на него все тем же озадаченным взглядом, хотя слова «тайна» и «секрет» уже серьезно заинтриговали меня и побороли нарастающую мнительность.

– Что ты хочешь? – раздраженно вздохнул Барон и упер кулаки в бока. – Жизнь в страхе или без?

– Без, – дыхнул я.

– Ты хочешь быть рабом или королем?

– Королем, – улыбнулся я блаженно.

– Подчиняться или подчинять?

Я почесал за ухом.

– Ты хочешь подчинять, – подсказал Барон.

– Подчинять, – кивнул я покорно.

– Так вот знаешь, в чем самая великая тайна? Как всего этого достичь?

– Какая? – прошептал я с круглыми глазами, и в ладонях моих зашекотало.

Зависла драматичная пауза. Воздух в гостиной загустел и побагровел.

– Нет, – вдруг поник Барон.

От напряжения и разочарования я покрылся холодным потом. Воздух вновь стал прозрачным.

– Сперва надо рассказать тебе о моих исследованиях, а то ты ничего не поймешь, – сказал Барон.

С маячащей на руке Виртуэлла он прошел к своему дивану и плавно опустился на него.

– Слезь, – дернул он локтем, и птица перепрыгнула на подлокотник.

– Знаешь, – вздохнул Барон и потер глаза двумя пальцами, – в тот момент, когда я понял, что смерть – это цель всего человечества, а время – путь, ведущий к ней, я стал пристально всматриваться в окружающих меня взрослых. Вот они пьют чай, болтают и смеются, с важным видом уходят на работу – с замученным приходят, вот безмятежно спят или лежат на диване... Одним словом, живут свою более-менее скучную жизнь. Иногда веселясь, чаще скучая или злясь... Но я не находил намеков на то отчаяние, которое казалось мне неотъемлемым фоном жизни того, кто знает, что умрет. Что каждая минута, каждая секунда, каждый шаг, движение и даже мысль приближают его к смерти. Понимаешь? Как они могли оставаться безразличными к этому? Именно это мне виделось в их поведении. Безразличие...

Барон вновь взялся за свою сигару, втянул дым и кратко глянул на меня, словно только что вспомнив о моем присутствии. Я еле заметно кивнул в знак того, что я еще не совсем отключился.

– Потом когда-то я додумался до того, – продолжил Барон, обращаясь к внимательно слушавшей его Виртуэлле, – что это примерно то же безразличие, которое наступает через некоторое время после потери какого-нибудь родного человека. Или зверя. Или птицы, дорогая. Сначала тебе плохо, ты страдаешь, а потом эта боль все больше стирается, пока не превращается в то самое безразличие. И только иногда – когда слышишь, например, какой-то определенный запах или видишь что-то, связанное исключительно с этим человеком, – воспоминание боли вспыхивает так отчетливо, как раньше. И ты понимаешь, что именно тогда, в этой боли, и была жизнь, а теперь остались притупленность и отрешенность, именуемые светлой памятью.

Барон отвернулся от несколько заскучавшей Виртуэллы и провел пятерней сквозь свои густые белые волосы.

– И я тогда решил, что отрицание реальности, – бережно отложил он сигару на пепельницу, – все равно чего, времени или смерти, тоже не лучше страха. Вернее, это прямой результат этого страха. Мне такой вариант не подходил. Даже если по этому принципу жило все человечество. Это всего лишь значило, что все человечество состояло из рабов, неспособных даже увидеть своей подчиненности настоящему царю мира. Времени. Я не собирался быть рабом.

Барон пронзил меня требовательным взглядом, и я вздрогнул.

– Я... Я тоже не собираюсь быть рабом, – выговорил я неуверенно, как на допросе.

Барон кивнул по-королевски милостиво.

– Подай-ка мне птифур, – протянул он руку.

Догадавшись, что речь идет об одном из кулинарных изысков, я суетливо передвинул серебряный поднос к Барону.

– Благодарю. – Он ухватил маленький пестрый тортик двумя длинными пальцами и умело отправил его себе в рот, даже не задев усы. – Так вот, – продолжил Барон после того, как птифур выполнил свою миссию и был спущен в преисподнюю, – поняв, что я не раб, а король, я стал вести себя так, как мне виделось поведение истинного короля. Я поглощал сладости, дерзко обращался с прислугой и потакал всем своим желаниям. Надо сказать, что это развлечение продлилось пару месяцев, перед тем как прикрытый одеялом страх не вернулся с удвоенной силой.

– У вас была прислуга? – не выдержал я.

– А? – нахмурился Барон. – А, ну да, была... Но суть не в этом. Я понял, что мне нужен совершенно новый фундамент, совершенно новая основа, если я хочу перестать быть рабом времени. Ты знаешь, что такое фундамент?

Я мгновенно покраснел и стыдливо покачал головой.

– То, на чем ты стоишь, – пояснил Барон. – Ты не можешь ходить по почве, насквозь пропитанной тысячелетним страхом, и не заразиться. Даже если ты будешь прыгать. Мне нужна была новая почва. Ты сейчас, наверное, думаешь, что это все происходило тогда, когда я был

маленьким. Но это я просто сумбурно рассказываю. На самом деле, на каждое новое осознание, открытие, на каждую новую мысль уходили годы. И это я сейчас говорю так сжато и даже скомканно. А в действительности, все это было выстрадано и полито кровью моего детства и моей невинности. Потому что я тебе преподношу эти мысли на подносе наряду со сладостями, – это большой подарок. Надеюсь, ты это осознаешь и ценишь должным образом.

Я усердно закивал. И хотя до меня доходил далеко не весь смысл сказанного, я вполне ощущал значимость происходящего и был искренне благодарен Барону. По крайней мере, той детской благодарностью, на которую был способен.

– Так как я – человек основательный, я взялся за книги. Физика, биология... Не та дребедень, которую вам в школе преподают, а настоящее!

– Нам еще ничего такого не преподают, – тихо признался я.

– Или будут преподавать, – скривил рот Барон. – Какая разница? Все равно никуда не денешься. В общем, я читал. Читал, читал, читал... Сначала сумбур в моей голове только возрастал и сгущался. До того момента, когда он должен был уже взорваться и свести меня в могилу. Но именно тогда что-то щелкнуло. – Для наглядности он щелкнул пальцами. – Да! Я прямо услышал звук в самой середине моего мозга! Он был таким громким, что я схватился за голову и упал. Прямо вот тут перед камином... А когда я снова поднялся, вместо давящего сумбура в моих мозгах были освежающий простор и ясность. Тогда я теоретически все понял. Это было уже очень много! Тогда я понял, что время только прикидывается столь могучим, а на самом деле у меня есть силы его победить! Но понять – это одно дело, а прочувствовать – другое. И вот тут мне понадобилась помощь моих маленьких друзей... – Внезапно Барон вновь метнул на меня грозный взгляд. – Ты вообще ничего не понимаешь?

– Ну... – пожал я плечами.

– Хорошо, – страдальчески вздохнул Барон. – Видимо, тебе рановато объяснять теорию. Скажем просто. Ты видишь, что он делает? – и указал на портрет Эйнштейна.

В принципе я знал ответ, но тем не менее обернулся к взъерошенному старичку, чтобы убедиться лишний раз.

– Он показывает язык, – доложил я.

– Чему он показывает язык?

Я вопросительно посмотрел на Барона.

– Времени! – выпалил он, как из ружья, и рассмеялся слегка истерично. – Он показывает язык времени!

Я не сводил с Барона недоумевающего взгляда.

– Что ты глаза выкатил? – сдвинул брови Барон, и я сразу расслабил свою мимику. – Думаешь, я шучу? Нет, друг мой наивный! «Все гениальное – просто», как известно. В этом самый главный секрет! Надо наплевать на время! Надо показать ему язык! Длинный и мокрый! Надменный! И тогда ты победишь страх и станешь хозяином времени!

Мне вспомнились часы, на которые я плюнул при входе. Наконец в этом странном ритуале просвечивался какой-то смысл.

– То есть надо просто плевать на часы? – переспросил я для верности, как прилежный ученик, усваивающий урок.

– Не просто на часы, на время! – прикрикнул возбудившийся Барон. – Думаешь, можно просто ходить и плевать на каждые попадающиеся часы и от этого стать королем? Думай! Думать надо, Адам! Так тебя быстро в психушку сплавят родственники с благими намерениями, и все. Надо отличать символы от подлинного!

Я немного поник и уставился в коленки.

– От настоящего, – пояснил Барон. – Ладно, не кисни! Я просто немного кипячусь. Но я не со зла. Я всего лишь хочу, чтобы ты все понял. Это важно! Это чертовски важно! От этого зависит качество твоей жизни!

– А почему вам так важна моя жизнь? – спросил я, сам от себя не ожидая подобного.

Ответ уже начал выплескиваться через нижнюю губу Барона, но он вдруг затянул буквы обратно и задумался. Он думал так долго, что занервничала даже Виртуэлла. Наклонившись вперед, она настойчиво заглядывала в лицо хозяина, которое становилось все мрачнее и мрачнее.

– Ладно, оставим этот вопрос, – буркнул он наконец сурово и недовольно и указательным пальцем отодвинул зеленую голову птицы. – Скажи мне прямо. Тебе это вообще интересно? Или я тут тебе открою страннейшие секреты, а ты потом побежишь своими неуклюжими ногами по мостовой и расплещешь все из своей никчемной головенки? Может, ты действительно слишком маленький и глупый?

Последний вопрос он задал так серьезно, словно и вправду ожидал от меня ответа.

– Нет, конечно! – встал я на дыбы. – Я очень хочу, чтобы вы научили меня жить! Очень хочу услышать секрет. Очень! И я совсем не глупый и уж точно не маленький! Мне вообще-то скоро уже будет восемь!

– Ну, раз так! – усмехнулся Барон и немного издевательски всплеснул руками. Но в настроении его что-то переменялось, и он явно был готов продолжать свою животрепещущую лекцию. – Тебе, вероятно, интересно, зачем учиться плевать на время, раз ты и так на него плюешь.

Я активно и показательно задумался.

– Не напрягайся лишний раз, – отмахнулся Барон от сгустка моих мыслей. – Это констатация факта, а не вопрос. Тебе наплевать на время. Ты о нем не задумываешься. Ты его не боишься. Не боишься же?

– А чего его бояться? – удивился я.

– Ну, вот-вот... – грустно покивал он сам себе. – Ты сейчас пребываешь в лучшем состоянии твоей жизни. В том, в котором находятся и животные. Включая птиц.

Виртуэлла встрепелась.

– Ты не совсем считаешься, дорогая, потому что ты на протяжении долгих лет подвергалась мощному потоку моих негативных мыслей, – погладил Барон ее спину костяшками. – Как бы то ни было, – обратился он снова ко мне, – вследствие долгого наблюдения и изучения животного мира я пришел к выводу, что они спокойно на него плюют и таким образом счастливы тем наивным счастьем, которое неведомо нам, разумным людям. Сперва я считал, что ощущение времени на всех одно и что какие-нибудь насекомые даже не успевают осознать, что вообще живы, перед тем как благополучно сдохнуть. Ну что такое, скажем, месяц, отведенный какой-нибудь мухе, по сравнению с нашими условными восьмьюдесятью годами? Это много или мало?

– Мало, конечно, – пожал я плечами.

– Ты думаешь, муха переживает оттого, что ей отпущен всего месяц на нашей грешной земле?

Мне вспомнилось сухое тельце на больничном подоконнике.

– Я вообще не думаю, что мухи особо из-за чего-то переживают, честно говоря, – сказал я.

– Ладно, оставим мухе ее личные секретки и зададимся другим вопросом. Ощущает ли она продолжительность своей жизни так же, как мы? Как целую жизнь? Ведь что такое месяц для нас, правда? Всего лишь короткий эпизод без начала и конца. Без цели, запертой исключительно в этом отрывке. А для мухи?

– Наверное, тоже, – расстроился я за муху, бессмысленно прожигающую свое краткое пребывание на земле.

– Я тоже так считал, – кивнул Барон. – А потом прочитал в одной из тысячи книг, которые проглатывал в поисках редких отголосков истины, что муха может лететь со скоростью до двадцати пяти километров в час. Ты понимаешь, насколько это быстро?

Я уже катался на машине и имел смутное представление о скорости.

– Ну, так себе, – деловито ответил я.

– Для нас действительно так себе, – согласился Барон. – Но, если учесть разницу в размере человека и мухи, все выглядит совсем иначе. Скажем, размер мухи – сантиметр. – Барон поднял руку и несколько раздвинул большой и указательный палец, демонстрируя габариты мухи. – Рост среднестатистического человека, ну, метр семьдесят. Не буду тебя мучить математическими уравнениями. В общем, если бы человек летел – или бежал, неважно – с равнозначной скоростью, как муха, эта скорость составила бы 4250 километров в час.

Это было явно много. Я не до конца мог себе представить, насколько много, но понимал, что скорее всего очень и очень много. Приличия ради я присвистнул.

– Вот именно, – поднял Барон указательный палец. – Для человека это совершенно нереально и непредставимо, а муха во время своего сумасшедшего полета еще успевает реагировать на окружение, опасности, регистрировать запахи и так далее. Значит, она живет несколько иначе, чем мы. В многократно ускоренном темпе. Или ты так не считаешь?

– То есть быстрее? Быстрее живет? – сообразил я.

– Именно! – обрадовался Барон и сразу резко подобрел. – Она живет быстрее! Для нее этот месяц – целая жизнь. Вполне вероятно – длинная. Время для разных существ течет по-разному. Оно под них прогибается. Понимаешь?

Я честно попытался представить себе прогибающееся время, но так и не смог.

– Но как же поденки? – вспомнил я передачу, которую как-то видел по телевизору. Меня тогда сильно впечатлил захватывающий дух белоснежный танец несчастных мотыльков, обреченных на неминуемую смерть. Красота и танцы, в моем понимании, никак не клеились со смертью.

– Что поденки? – вновь раздражился Барон. – Что вообще за дурацкое название! Ложное! Настолько ложное! Того, кто его придумал, надо публично казнить.

Я слегка опешил.

– Ну, это я, разумеется, горячусь, – согласился Барон, – но сути это не меняет. Как ты думаешь, сколько живут твои поденки?

– Ну... как?.. Один день? – ответил я, уже чувствуя подвох.

– А вот и нет! – прыснул Барон негодованием. – Все дело в том, что до того, как превратиться в мотыльков, твои поденки проживают вполне себе длинную жизнь на дне какого-нибудь уютного водоема. Только в виде личинок. Знаешь, сколько они там ворошатся?

– Сколько? – дыхнул я.

– От двух до четырех лет, – поведал мне Барон с ехидной улыбкой. – Четыре года для насекомого! Ты представляешь себе, насколько это не коротко?

– Это не коротко, – согласился я.

– Другой вопрос, разумеется, в том, хотелось бы тебе четыре года лежать личинкой на дне вонючего водоема? – презрительно повел он густой бровью.

– Совсем не хотелось бы, – выпалил я, долго не сомневаясь.

– Но сейчас речь не об этом, – тряхнул Барон гривой и раскинул руки по спинке дивана. – Речь о восприятии времени. А с ним и восприятии смерти. Насекомые и животные не боятся смерти, поэтому они и не боятся времени.

– А откуда вы знаете, что они не боятся смерти? – спросил я.

Барон снова вздохнул.

– Потому что они движимы инстинктами, – сказал он, рассматривая затылок Виртуэллы. – Естественно, какой-нибудь хомяк может сдохнуть от остановки сердца, если рядом

с его клеткой посадить кошку. Кошка в этом случае, – потенциальный носитель смерти, ее исполнитель. Видимый и осязаемый в это самое мгновение. Но кошка – не сама абстрактная смерть. Хомяк не умрет от сердечного приступа, если представит себе кошку. Она должна быть видима и осязаема. Хомяк не в состоянии рефлексировать о тайнах и бренности хомячьего бытия. Хомяк не думает о смысле жизни, грубо говоря.

– Но почему вы так уверены? – обиделся я за хомяков.

Барон прищурился и усмехнулся.

– Ладно, не будем спорить о хомячьих душах, – хлопнул он себя по коленям и встал. – Не в этом суть дела. Боюсь, на данный момент тебе придется просто поверить мне и довериться. Пойдем со мной, – махнул он мне и широкими шагами пошел к распахнутым двустворчатым дверям, ведущим в следующую комнату.

Я бросил последний скорбный взгляд на поднос с недоеденными сладостями и поспешил за ним и рванувшей за хозяином Виртуэллой. По ту сторону двери зеленели многочисленные растения и деревья в громадных керамических горшках, и я удивился, как эта насыщенность не привлекла моего внимания ранее. Но, видимо, каждая комната в квартире Барона была уникальной и неординарной, так что, попадая в любую из них, гость замыкался в отдельном мире и не видел ничего, что находилось вне его.

Зеленая комната пахла ароматной свежестью цветочного магазина. Из мебели в ней имелись лишь кофейный столик с двумя стульями и небольшой стеллаж с ветхими энциклопедиями и рукописями. С наиболее толстых веток фикусов свисали золотые клетки с мелкими птичками, а на полу среди этого маленького городского леса стояли загончики с какими-то смешными животными. Животные были похожи на больших круглых мышей, но в отличие от них могли похвастаться шикарным пушистым хвостом.

– Это шиншиллы, – заметил Барон мой любопытный взгляд. – Дурные, как все грызуны, но миловидные.

– Почему вы так говорите о своих животных? – расстроился я. – Совсем они не дурные.

– Тебе бы знать, – цокнул Барон языком и опустился на ажурный чугунный стульчик.

Как будто в нем была встроена специальная кнопка, буквально через пару секунд при-мчалась запыхавшаяся Магда с чашкой кофе и чепчиком набекрень.

Девушка изо всех сил пыталась быть осторожной, но все же стукнула блюдцем по столу так, что кофе немного расплескался. Сидящая на плече Виртуэлла взмахнула крыльями и недовольно каркнула, Магда вздрогнула и хотела было вытереть стол своим фартуком, но Барон нервно отмахнулся от нее и послал восвояси.

– Присядь, – предложил он мне. – Стулья стоят именно так, чтобы с них было удобно наблюдать за всякой живностью.

Я робко подошел и залез на холодный стул.

– Я провел в этом месте, наверное, больше часов, чем ты вообще живешь на свете, – сказал Барон и поднес маленькую дымящуюся чашку к губам. Свежесть комнаты пронзил острый и терпкий запах кофе. – Я смотрел на них. Смотрел и смотрел. Все ждал проявления хоть какого-то стресса. Не возбужденности – перед или во время кормежки, например, а именно затаенного стресса. Такого, который мы себе создаем каждый день и в котором предпочитаем пребывать, одновременно жалуясь на него же. Я называю это структурированным стрессом. Тебе этого не понять, я вижу... Стресс как образ жизни. Вот мы бежим, бежим и мечтаем об отпуске. Чтоб так, как шиншилла, без забот и обязательств где-нибудь поваляться. А когда это время наступает, мы мечтаем снова о нашем родном стрессе. Вечный побег от вопросов и от страха. Перед чем? Перед тем самым временем! Чем больше мы бежим от него, тем быстрее оно нас настигает. А потом – бац! – сердечный приступ и гроб, и все проблемы решены. Так и живем.

Я всмотрелся в шепуршающую в сене мышь. Она выглядела вполне деловито и сосредоточенно. Она делала ответственное дело. Именно то, что требовалось в данное мгновение. И скорее всего не думала попутно о том сене, в котором будет рыться через неделю. Она была занята, но без отчаяния.

Наконец я начинал понимать мысли Барона.

– То есть секрет – это жить так, как шиншилла? – умозаклучил я.

– Вполне, – удивленно кивнул Барон и поднял чашку, словно чокаясь со мной. – Осознанно, но без планов. С привязанностью, но без притязания на владение. Претендуя на жизнь, но не претендуя на вечность.

Я похлопал глазами. Барон тяжело вздохнул в сотый раз за нашу встречу.

– В общем, да, пусть будет так. Жить как шиншилла. Если ты сейчас осознаешь это на каком-то доступном тебе чувственном уровне, уже хорошо.

Барон смерил меня строгим взглядом, и я машинально выпрямился, как за партой.

– Ты хочешь собаку? – спросил он сухо.

– А у вас есть? – воодушевился я.

– Разумеется, нет! – как-то чрезмерно вспыхнул Барон и даже покраснел. – Хочешь, значит?

– Ну... Хочу, – признался я с опаской.

– Для чего?

– Как – для чего? Чтобы гулять с ней, играть... Дружить...

– Любить? – процедил Барон.

– Ну да, любить, конечно, – повел я плечом.

– Это первый шаг в бездну, – отрезал Барон. – Собаки дохнут только так, а эмоций ты на них затрачиваешь дай бог. Шиншиллы дохнут еще регулярнее, но к ним отношение более спокойное. Не заводи собаку. Слишком много энергетических затрат при слишком кратковременной отдаче. Понял?

С этим я не был готов просто так согласиться.

– То есть любить можно только тех, кого любить можно долго? – переспросил я.

– Ну, если совсем просто, то да. Примерно так, – неохотно согласился Барон. – По крайней мере, что касается животных. Хочешь обязательно мохнатого друга... Нет, мохнатого не получится. Они все слишком непостоянные. Пернатого, скажем. Вот, попугая выбери, – указал он на гордо задравшую клюв Виртуэллу. – Из тех, что покрупнее. Или черепаху... Но с ней толком не пообщаешься. Да и вообще... Пока лучше обойтись без лишних обязательств. Они и так рано или поздно свалятся на твою хрупкую голову с такой мощью, что мало не покажется. Череп проломают и заселятся там неистребимыми паразитами. А пока наслаждайся жизнью и плюй на время, обязательства и негативные эмоции.

– Как шиншилла? – подытожил я для верности.

– Как шиншилла, – кивнул Барон.

Я осознал грандиозность этой мысли, но не совсем мог ее прочувствовать.

– Тебе кажется, что ты и так живешь как шиншилла и что особого откровения в этом нет, – угадал Барон мои мысли.

– Ну, не совсем, конечно...

– Ты прав, – нетерпеливо перебил меня Барон. – Я все время об этом и говорю. Дети куда ближе к животным, чем ко взрослым со всеми их извращениями и искаженностями. Вы ближе к природе. Поэтому вы куда более гармоничные и верные самим себе и своим потребностям. В общем, да. Твоя задача в том, чтобы с годами не потерять то ощущение времени, которое у тебя есть сейчас. А именно – твое прекрасное наплевательское отношение к нему. Понял?

– Понял, – отозвался я покорно, хотя понимал не так-то много. Но, как мне казалось, на сегодняшний день достаточно.

Зависла легкая пауза. Напряжение более-менее завершеного разговора расплывалось по комнате и всасывалось листьями деревьев. Воздух очищался.

– Это, конечно, не мой стиль, говорить о времени, – наконец сказал Барон. – Но раз уж ты ребенок, который должен подчиняться времязависимым родителям, то мне все же стоит тебе о нем напомнить.

Поскольку я все еще плутал по лабиринту своих мыслей, я не сразу понял столь сложное предложение.

– Тебе пора домой, – перевел Барон, видя мое замешательство.

– Ой, правда, – побледнел я.

В ребрах слегка закололо. Но я уже сейчас знал, что не пожалею о сегодняшней аванюре, даже если за нее придется расплатиться синяками или трещинами. Барон серьезно всмотрелся в мое лицо, а потом встал и прошел со мной до входной двери, держа меня за одно плечо. Дворецкий все так же стоял на своем месте и не подавал никаких признаков того, что заметил наше появление, хотя мы остановились практически перед его носом.

– Перед тем как ты уйдешь... – отпустил меня Барон и сложил руки за спиной.

Я посмотрел на него снизу вверх. Над его белой головой светился нимб от люстры, вокруг которой продолжали порхать большие бабочки, на этот раз – ярко-голубые.

– Мне надо рассказать тебе еще один секрет о покорении времени, – тихо, но четко говорил Барон. – О том, как можно его растянуть.

– Растянуть? Как жвачку? – не понял я.

– Примерно так, да, – скривил губы Барон. – Я еще не знаю, когда мы снова встретимся. Вполне вероятно, это будет не скоро. И мне надо, чтобы у тебя были определенные жизненно необходимые навыки. Готов внимать?

– Готов, – улыбнулся я.

Внезапно я почувствовал какую-то небывалую отвагу и уверенность в себе.

– Самые главные соратники времени – это обыденность и быт, – поведал мне Барон. – Рутинка. То, что повторяется изо дня в день. Скука. Каждый раз, когда ты чувствуешь скуку или лень, тебе надо настрожиться. Ты понял?

– Ну... Да, – ответил я задумчиво. – Но что поделаешь с ленью и скукой? Они просто появляются, и все.

– Бежать от них.

– Бежать?

– Бежать в прямом смысле. Бросать весь этот быт к чертям и бежать.

– Куда? – прошептал я.

Побег от школы и уроков – главного источника моих ежедневных лени и скуки – не представлялся мне возможным.

– Пока ты маленький и зависимый, бежать тебе действительно мало куда, – сказал Барон. – Беги хотя бы от чувства вины. Ты чувствуешь себя виноватым, когда ленишься делать уроки или получаешь плохие отметки?

– Да, – ответил я с горькой уверенностью.

– К черту это чувство вины!

От неожиданности я даже вздрогнул.

– К черту, к черту! – настойчиво подтвердил Барон. – Будь свободен от навязываемых тебе страхов. Делай то, что приносит тебе удовольствие. А обязательства старайся сводить к минимуму. Будь свободен!

– Вот это да! – не смог я сдержать восторга.

– А вообще, помни, что любые перемены продлевают время. Растягивают его. Географические перемены прекрасны. Путешествия то есть. Но и вообще все новое. Ты понял, мой

юный друг? Это самое важное на сегодня. Поменьше страха и чувства вины и побольше свободы и новизны! Повтори!

С третьего раза мне удалось повторить мою новую мантру правильно.

– Молодец, – похвалил меня Барон и открыл дверь. – Дома запишешь на бумажку, спрячешь ее в надежном месте и будешь перечитывать каждый день. Понятно?

– Понятно! – крикнул я по-пионерски и шагнул в коридор.

В глубине поблескивали холодом серые двери лифта, и на меня вдруг навалилась тягучая тоска. За мной уже тихо скрипнула входная дверь, и я быстро обернулся в последний раз, не в силах оторваться от закрывающегося волшебного мира.

– Почему именно сейчас? – выпалил я.

– Что? – вновь приоткрыл дверь Барон.

– Почему вы решили рассказать кому-то об этом всем только сейчас? – пояснил я.

– То есть практически перед самой смертью? – горько ухмыльнулся Барон. – Я понимаю, что кажусь тебе современником Кощея Бессмертного, но вообще-то на свете есть люди куда старше меня.

Я уже хотел начинать оправдываться, но Барон спокойно продолжил, смотря сквозь меня:

– Просто есть время брать, есть время искать, а есть время отдавать. И когда приходит время отдавать, от этого никуда не денешься.

Мне хотелось задать еще кучу всплывших вопросов, но по отрешенному выражению лица Барона я понял, что на сегодня хватит. Дверь тихо щелкнула замком и наглухо отрезала меня от бабочек и сказки. Я пятился по коридору к лифту, не в силах оторвать взгляда от входа в мою пещеру сокровищ. Но с каждым шагом по мягкому ковру произошедшее все больше казалось сновидением, а когда я зашел в узкий лифт и он понесся со мной обратно к земле, я уже настолько пришел в себя, что даже начал волноваться о предстоящей расправе.

Выскочив из лифта, я пробежал по холлу, не оглядываясь на консьержку, навалился на тяжеленную дверь, вырвался из высотки, сморгнул ослепивший меня дневной свет и бросился бежать обратно к той площадке, где я вообще-то должен был ждать папу. Путь был недолгим, но на улице стояла такая жара, что добежал я еле живой и сразу плюхнулся на ржавые качели. Кроме меня на площадке не было ни души.

Валя раскачиваясь туда-сюда, я стал осматривать местность под оглушительный противный скрип. По дорожкам прогуливались бабули с пакетами, а в траве валялись сонные голуби, разморенные солнцепеком. Папы и его друга было не видеть. Я попытался прикинуть время, но понял, что не имею ни малейшего представления о том, как долго отсутствовал. С моего побега мог пройти час, а могли все три, четыре или даже пять.

«Что делать-то теперь?» – подумал я с налетом легкой паники.

Но продумать ход дальнейших действий по избеганию или смягчению наказания я не успел, так как мне в плечи больно вцепились крепкие пальцы и остановили мое качание.

– Ай! Пустите! – вскрикнул я как-то неестественно и вскинул голову.

На фоне живописного неба с полупрозрачными облачками надо мной нависало лицо мамы. И слабонервным на него лучше было не смотреть.

– Где. Ты. Был? – медленно процедила она сквозь зубы и стиснула мои плечи так, что теперь мое «Ай» получилось очень даже естественным.

– А папа? – взвизгнул я, тщетно пытаюсь вывернуться.

– Что – папа? – держала меня мама мертвой хваткой.

– Папа, где был?

– Что ты имеешь в виду? – внезапно отпустила меня мама, и я сиганул с качелей так быстро, что еле устоял на поехавшей под ногами каменистой пыли.

Нешуточный страх обуял меня и очень некстати путал мысли в голове.

– Он... Я... – начал мычать я, оттягивая время.

Впредь я решил придумывать отмазки заранее и на надежном расстоянии, а не по ходу схватки.

– Ну так что? – крикнула мама, краснея по ту сторону качелей. – Отец твой весь район оббегал, обыскал, уже в полицию идти хотели! Ты где был, засранец?!

И тут у меня что-то щелкнуло и перезагрузилось. Животную панику как рукой сняло, а вместо нее всплыл совершенно спокойный план действий.

– А зачем он меня бегал искать, если я все время был там, где мы договорились встретиться? – спросил я, успокаивая свое дыхание.

– Что-о? – сдвинула мама брови и прищурилась.

– Ты же заметила, что папа выпил? – тряхнул я деловито головой.

Мама покраснела еще больше.

– А какое твое дело до...

– Он же встретил своего друга и выпил с ним! – перебил я ее и сам себе удивился. Никогда в жизни я еще не позволял себе перебивать родителей. Но язык мой несло, как корову по льду. – И сказал, чтобы я ждал его на площадке. А потом забыл про меня!

– Почему ты решил, что он про тебя забыл? – довольно робко спросила мама, видимо сама ошарашенная моей бойкостью.

– А как еще? – развел я руками. – Я качался тут, качался, лазил, лазил, потом уже сам пошел смотреть, где он, а его больше там не было! На лавочке. Только бутылки пустые...

– Но он же тебя искал! – как-то театрально взмахнула мама руками.

– Не знаю, – покачал я головой. – Я сразу вернулся сюда и ждал его. Ты мне сама говорила так делать, если я потерялся, помнишь? Ждать на том месте, где мы расстались. Ну я и решил ждать там, где мы договаривались. А его все нет и нет, нет и нет... У меня попа уже заболела от этих качелей!

Я слушал себя и поражался больше всего не тому, что я несу, а полному отсутствию угрызений совести по поводу своего вранья. Мама тем временем знатно сдулась и вышла из-за качелей.

– Ты хочешь сказать, что он забыл, о чем вы договорились? – бросила она на меня стыдливый взгляд.

Я многозначительно поднял брови и пожал плечами. Мол, сама догадайся. Мама задумчиво пожевала губы, угрюмо осмотрела местность и вздохнула.

– Ладно, пойдем домой, – махнула она мне, повернулась и устало пошла прочь.

Еще не совсем веря своему счастью, я молча посеменял за ней. Какого-то (вероятно, разоблачительного) разговора с отцом я не боялся совершенно, потому что прекрасно знал: под влиянием алкоголя он сам с большой готовностью ставил под сомнение свои действия. Этому его жизнь научить уже успела. А маму жизнь успела научить не верить решительно ничему, что говорилось отцом в таком состоянии. Так что я был спокоен, как удав, и безмятежен, как роющаяся в сене шиншилла.

Дома мы застали отца в полном смятении. Это выразалось в том, что сидел он перед черным экраном. Сперва я даже подумал, что он спит, но так как он дернул головой еще до того, как мама начала орать, он, по всей видимости, в некоторой степени бодрствовал. Мама, не разувшись, подлетела к дивану и стала выдавать фразу за фразой из слов, которые мне произносить было строго-настрого запрещено. Я стоял несколько поодаль и диву давался. Не маминым выражениям и не отцовским слишком уж ярко-красным и набухшим ушам, а неснятым босоножкам. В последний раз, когда мама ступила в квартиру в обуви, на плите горела забытая кастрюля. Одновременно мне припоминался случай, когда отец подавился и, кряхтя, валялся на ковре перед диваном. Тогда мама, не торопясь, села и стянула сапоги, перед тем как помочь

беспомощно барахтающемуся супругу. Все это означало, что сейчас она была не просто зла, а зла той самой женской злостью, сравнимой с нещадным смерчем.

– Хоть раз! Еще хоть раз, скотина!! – заходила мама, прекрасно понимая, что следующий раз непременно настанет, а она совершенно точно не воплотит своих страшных угроз.

Я отвернулся к стене с чувством недетской неловкости и стыда – не совсем ясно за кого, – и принялся рассматривать итальянские пейзажи, вырезанные из старого календаря и прошедшие достойное перевоплощение в картины. Они были несколько поблекшими и грустными, словно осознавали свою неуместность на старомодных московских обоях. Отголоски давно потухших мечт.

Пока я всматривался в синие мазки моря и зеленые штрихи кипарисов, родительская схватка нет-нет, а поутихала. Этому способствовало то, что отец, очевидно, признавал свою вину и только из чувства долга давал вялый отпор. Отсвирепствовав, мама прошелестела, пыхтя, обратно в коридор, наконец разулась и отправилась на кухню, откуда сразу стало доноситься грозное постукивание посуды.

– Телевизор чего выключил? – рывкнула она папиному затылку.

Отец поспешно схватился за пульт, и экран раскрыл из темноты картинку, как бутон. Мгновенно телевизор всосал в себя всеобщее внимание, до этого направленное на ссору, и атмосфера заметно полегчала. Отец осторожно повернул ко мне красную голову с виновато поджатыми губами и расплывшимися глазами показал на место рядом с собой. Я покорно сел на краешек прогнувшегося дивана. Невольно всплыло сравнение с шикарнейшей мебелью Барона, и я удивился совершенно новому для меня чувству: стыду и отчужденности от своей собственной семьи.

– Что ты хочешь посмотреть? – тихо спросил отец заржавевшим голосом и громко сглотнул.

Я пожал плечами, прекрасно понимая, что это был жест примирения.

Причем не какой-либо. Отец демонстрировал готовность пожертвовать самым святым. Но желания идти навстречу у меня особо не было.

Единственное, чего я жаждал на тот момент, было полное уединение.

– Ну, мультфильмов сейчас, конечно, не показывают, – продолжал стараться отец. – Но, может, боевичок какой...

И он принялся щелкать по немногочисленным каналам. На третьем шло действительно нечто боевикоподобное.

– Вот, – расплылся отец в довольной улыбке и устроился поудобнее.

– Какой на фиг боевик?! – гаркнула из кухни мама, и папа дернулся, как будто ему ответили подзатыльник.

– Ну... – забегал он глазами по комнате. – Может, немножко?

– Пять минут, и все! Все!! – неожиданно смилостивилась мама.

На радостях отец выпрямился и подмигнул мне довольно. Я ответил ему натянутой улыбкой и послушно перевел взгляд на телевизор. Краем глаза я видел, как отец косился то на мельтешащие кадры, то на мою реакцию. Он явно хотел видеть восторг или хотя бы интерес с моей стороны, но я не мог заставить себя проявить нужные эмоции. На тот момент восторг и интерес у меня вызвали только мои собственные мысли и воспоминания о встрече с Бароном, и я только и ждал, чтобы экран по своему обычаю загнипотизировал отца, и я бы мог смыться. Надо сказать, что это произошло еще быстрее, чем я думал. Буквально через минуту отец уже не мог оторвать глаз от экрана – они прилипли намертво, как мухи к клейкой ленте. Для уверенности я выждал еще пару мгновений и уже приподнялся, как раздался выстрел и телевизор вспыхнул красным. Невольно я всмотрелся в происходящее, пытаясь выхватить хоть пару деталей сюжета. Один мертвый мужчина был распластан на голубом кафеле, другой – пока еще не мертвый – метался у стенки с громадными крючками, третий целился в него из писто-

лета. Прогремел следующий выстрел, и голова мечущегося весьма эффектно размазалась меж крючков. Я вздрогнул и быстро закрыл глаза обеими ладонями. Отец же не повел и бровью.

Успокоившись, я убрал руки от лица и посмотрел на отца с интересом ученого, наблюдающего за аборигенами. Отец не спал. Он дышал ровно и размеренно и смотрел на экран с несколько скучающим спокойствием. Ничего его не тревожило, ничего не будоражило. Он не восторгался увиденным и не возмущался. Он просто позволял экрану поглотить свое сознание, прожевать его, переварить и выплюнуть обратно. И это касалось не только этого фильма, а всего. «Всего-всего-всего, – с ужасом подумал я, не сводя глаз со стеклянного взгляда отца. – А пока отец смотрит телевизор, его самого как будто и нет. Получается, телевизор – это... – Я покосился на черный ящик круглыми глазами и отодвинулся подальше от него. – Получается, телевизор – это пожиратель времени!» – наконец щелкнуло у меня в голове, и я даже слегка взвизгнул. На кухне мама приписала мой всплеск эмоций чрезмерной жестокости в фильме и уже начала кричать на отца, но я не стал ждать дальнейшего разворота событий, вскочил и в три прыжка оказался в своей комнате.

Поплотнее закрыв за собой дверь, которая отрезала вновь завязавшуюся ругань в гостиной, я с облегчением вдохнул родной теплый воздух и бросился к столу. Я выхватил из груды тетрадей одну, вырвал чистый листок, совершенно не боясь предстоящей за такое кощунство расправы, схватил ручку и вывел на удивление аккуратно: *«Меньше страха. Больше свободы»*. Я помнил про чувство вины и про новизну, но писать так много букв было слишком сложно, и я решил, что запомню это и так. Отложив ручку, я поднял листок обеими руками на уровень глаз и трепетно замер перед ним. Ванильно-малиновые лучи заходящего солнца обрамляли мою мантру и просвечивали тонкую бумагу, отчего казалось, что она светится изнутри.

– Меньше страха, больше свободы, – прошептал я. – Меньше страха, меньше страха, меньше страха...

Я хотел, чтобы эти слова отпечатались в моих мозгах навечно. С одной стороны, они уже тогда имели банальный привкус оттого, что мусолились слишком часто по делу и без, бросались на воздух каждым встречным. Но с другой – я чувствовал совершенно ясно их глубину и понимал, что докопаться до их сути нелегко и удаётся далеко не каждому. Тогда я не мог припомнить ни одного взрослого, который производил бы впечатление свободного, бесстрашного человека. За исключением Барона.

Страх перед временем мной не воспринимался настоящим страхом. Или, по крайней мере, слабостью. Скорее наоборот. Сам факт, что Барон вообще задумывался о таких тонких материях и пытался бороться даже не со стихиями, а с чем-то вовсе неземным, возносил его на практически божественный уровень. А свобода... В том далеком детстве я имел только сумрачное представление о том, что такое свобода, так как я ею был. Она была моей сутью. Хотя я, разумеется, не осознавал этого. Мне казалось, что я поработен школой, уроками и всякими мелкими детскими задачами, в то время как взрослые по-настоящему свободны хотя бы в том, что они сами себе хозяева.

Я глубоко заблуждался и в этом внешнем проявлении свободы. Но ребенку невозможно понять всей тяги той глыбы обязанностей, которая с каждым годом становится все больше и все плотнее прижимает человека к земле. И в конце концов задавливает ту самую внутреннюю свободу, которая так естественна в детстве и с таким трудом дается взрослым. Вполне вероятно, что Барон мне виделся самым воплощением свободы, в первую очередь из-за его экстравагантности. И не только тем жарким московским летом, а на протяжении долгих-долгих лет. Честно говоря, мне и по сей день кажется, что эти понятия часто путают. Экстравагантность принимают за свободу, а свободу за экстравагантность.

Но это я сейчас могу размышлять и раскладывать понятия по полочкам. А тогда, сидя за столом перед окном и впитывая лучи заходящего солнца вместе с моим новым заклинанием, я хотел только одного. Яркости и неординарности, как у Барона. Любой ценой. Не пыльных парт

и телевизоров, а настоящих приключений. И с появлением такого наставника в моей жизни они казались не только возможными, но и действительно достигаемыми. Стоило только протянуть руку и коснуться кончиками пальцев невидимых золотых струн, пронизывающих этот мир и управляемых силой воли. И если эта сила была по-настоящему необыкновенной, то, коснувшись правильной струны, она могла прогнуть само время. От одного представления такого могущества в моей груди медом разливалось счастье.

Улыбаясь сам себе, я сложил листок пополам и подошел к книжному шкафу. В том, что хранителем этого сокровища должна была стать именно книга, я не сомневался ни секунды. Недолго думая, я вытащил изрядно потрепанный томик в красном переплете. «Алиса в Стране чудес». Если кто-то был свободным и бесстрашным, так это она. Я раскрыл книгу посередине и бережно вложил в нее свой листок. Рядом со сплошным ярко-черным текстом и пестрой картинкой он выглядел несколько скудно, но меня это не смутило. Важна была сама идея. Я захлопнул Алису, чихнул от серебряной пыли и поставил книгу на место.

В тот вечер я еще долго лежал, смотря в утопающий в темноте потолок, и без конца прокручивал обрушившиеся на меня события. Накрывшие мощной, но до головокружения прекрасной бирюзовой волной. За стенкой гудел своим назойливым гулом телевизор и похрапывал папа, а за открытым окном шумели дороги и дрались кошки. Все было как всегда. Но все изменилось.

Постукивание карандаша по столу вырвало меня из мыслей. Поморгав, я сфокусировал взгляд на сидящем передо мной человеке и с неким удивлением вспомнил, что нахожусь в довольно безотрадном месте. Продолжая грозно стучать и шуриться, Раиса Ивановна, моя классная руководительница, просверливала дырку в моей переносице. Ощущение просверливания было столь явным, что я невольно коснулся пальцами места, находящегося под прищипом, и оно показалось действительно слишком теплым. По мою правую руку раздался приглушенный вскрик. Раиса Ивановна наконец оторвала от меня свои колючие глаза и перевела их на мою маму. Я аккуратно сложил руки на колени и тоже покосился в ее сторону. Мама сидела прямо, как свечка, лицо ее полыхало. Пальцы нервно теребили сумочку, а голова была повернута в сторону. Прочь от меня, ее вечного позора.

– Ты видишь, что делаешь с матерью? – бросила мне Раиса Ивановна сквозь свои тонкие губы, предназначенные для складывания в строгую черту, до коллик пугающую любого ученика, дрожащего перед доской с мелом в руке. – Ты хочешь всех до гроба довести?

– До гроба все и без моей помощи дойдут, – пожал я плечами.

Я не успел оглянуться, как мама с полоборота отвесила мне пощечину тыльной стороной руки. Моя челюсть отвисла. Так как позиция для удара была для нее невыгодной, получилось не особо больно, но в общественных местах себе такого со мной доселе еще не позволяли. Судя по прекратившемуся стуку, Раиса Ивановна тоже слегка опешила.

– Хватит хамить! – взвизгнула мама, порывисто утирая слезы. – Негодяй неблагодарный!

По ощущению, я отодвинулся от мамы к самой далекой стенке в комнате, по сути же, я сдвинулся всего на пару сантиметров до края стула.

– У твоей мамы нервы уже сдают с тобой! – объяснила мне Раиса Ивановна. – Что происходит? Ты можешь нам объяснить? Нам всем. Будь добр.

Мама еле подавляла истеричные всхлипывания, судорожно прижимая платок к губам, а в окно хлестал серый дождь поздней осени. Желтые глаза сухой Раисы Ивановны вливали в меня яд через успешно просверленные дырки. Атмосфера была, мягко говоря, не совсем располагающая к доверительным разговорам. В принципе я был готов к этой встрече. С тех пор как мама сообщила мне с похоронным видом, что нас вызывают в школу, чтобы обсудить мое негодное поведение, я то и дело прокручивал всевозможные варианты этой ситуации. Один мрачнее другого.

За последние месяцы отметки мои скатились вниз, как по ледяной горке, а мое участие в уроках сводилось к их небоicotированию. Я вяло висел за партой, тайком читая книги и рисуя сказочных персонажей в тетрадке. Помимо меня в классе имелось еще несколько таких ребят, но они никого так не бесили, как я. Дело было в том, что в отличие от остальных тунеядцев я не испытывал никаких угрызений совести по поводу своего поведения. Учителя это чувствовали и не могли простить. Они попросту не знали, как со мной быть. На меня не действовали ни угрозы, ни уговоры. Мне все это было неинтересно.

Интересны мне были мои почти ежедневные походы после школы. Я говорил маме, что уроки заканчиваются позже, или просто прогуливал и устраивал себе свободу и новизну. В моем репертуаре были визиты в зоопарк, где я нашел шикарную лазейку в заборе, парк аттракционов, в котором я время от времени подкупал билетера украденными из дома бутылками спиртного, поездки на метро и прогулки по лабиринтообразным переходам, посиделки с лохматыми бездомными псами и много всего другого прекрасного. Я отдавал себе отчет в том, что сам факт прогуливания в какой-то момент станет явным и дойдет до родителей. Но то, что я делал в это выигранное у скуки время, было моей тайной, и я хранил ее как зеницу ока. И напугать меня могло одно лишь лишение этих приключений, а не дополнительные домашние задания или иные карательные меры.

Послушав мое молчание, Раиса Ивановна вздохнула и подняла одну тонкую бровь.

– По всей видимости, Адам не намерен с нами общаться, – сказала она, цокнув, моей маме. – Мне, конечно, очень не хочется прибегать к подобным угрозам, но все же я на данный момент не вижу иного выхода.

Я наострил уши. Заметив мое внимание, Раиса Ивановна довольно улыбнулась.

– Если Адам не возьмет себя в руки... Причем очень быстро... То нам придется серьезно поговорить о перспективе повтора учебного года.

– Вы хотите оставить меня на второй год?! – вскрикнул я.

– Пожалуйста, не надо, – побледнела мама. – Что мне говорить соседям?

– Но до лета еще полно времени! – соскользнул я к краю стула и уперся ладонями в деревянный стол.

Почему-то мысли о таком ходе событий меня еще не посещали. Остаться на второй год было не просто позором, это было еще годом заключения. Еще годом, оторванным от настоящей жизни. «А настолько ли это страшно?» – откуда ни возьмись всплыл вопрос в моей голове. «Что значит страшно? – удивился я мысленно. – Как это может быть не страшным?» – «А может, вообще на фиг ее – эту школу?» – подсказал голос. «Но я слишком маленький! – возразил я. – Дети не могут не ходить в школу!» – «И ты думаешь, что вот эти взрослые вокруг тебя об этом не знают? Они будут тянуть тебя из класса в класс хоть за уши. Им это больше надо, чем тебе». Эта мысль меня сразила. Я отцепился от стола и вновь прислонился к спинке стула.

– Нет, вы посмотрите на него! – вспыхнула мама. – Тебе все равно?!

Я настолько расслабился и обнаглел, что пожал плечами.

Мамина рука затряслась, и я уже приготовился уклоняться от очередной пощечины, как голос в голове вновь объявился: «Ну, совсем дураком-то не надо быть! К свободе приведет не идиотское нахальство, а ум! Будь похитрее!»

– Я буду учиться! – выпалил я писклявым голосом, прикрывая голову руками.

Мама и Раиса Ивановна застыли в недоумении. Меня самого пугало это крайне переменчивое настроение, но что-то подсказывало мне, что незнакомый голос в голове был прав. Надо было проявить хитрость. Заверить взрослых в том, что я завтра же стану самым прилежным учеником во всей школе, немного постараться, а потом плавно снова скатиться на прежнюю беспардонно гедонистическую колею.

– Я буду делать домашние задания, отвечать на уроке и получать хорошие отметки! – протараторил я не своим и, к сожалению, довольно неуверенным голосом.

Но, по всей видимости, это была именно та реакция, которую ожидали мама и учительница. Обе снисходительно фыркнули и несколько расслабились.

– Ну, это, допустим, не ты решаешь, какие отметки тебе будут ставить, – довольно связывала Раиса Ивановна. – Но ты можешь приложить усилия для положительного исхода.

– Да, – крикнул я.

– Что «да»? – поправила Раиса Ивановна очки указательным пальцем.

Я хлопнул глазами.

– Ты будешь стараться, – со вздохом подсказала она.

– Буду стараться, – отозвался я глупым эхом.

Раиса Ивановна закусил губу и задумчиво постучала карандашом по столу. Мама продолжала теревить ручку сумки, которая уже походила на хвост ободранной кошки.

– Ладно, – прихлопнула Раиса Ивановна карандаш к столу, и мы оба подпрыгнули на стульях. – Думаю, пока выводы сделаны, и разговор окончен.

– Разумеется, спасибо, конечно... – засуетилась мама.

Облегчение взорвалось фейерверком в моем животе, и я на радостях вскопился и уже дернулся в сторону двери, как голос в голове одернул меня: «Стой! Будь ты вежливым, черт подери! А то сейчас снова все испортишь!» Я остановился как вкопанный. Рядом со мной медленно поднималась мама, попутно собирая подолы и рассыпающееся содержимое сумки. Настырный голос начинал меня заметно напрягать, но я решил послушаться его, так как он казался по крайней мере самым доверительным и располагающим в этой комнате.

– Спасибо большое, Раиса Ивановна, – практически пропел я. – Я без вас ничего не понял бы.

Желтые глаза учительницы пронзили меня так ощутимо, что я слегка согнулся, словно мне дали в солнечное сплетение. Она явно считала, что я над ней издеваюсь.

– А еще я вам всегда хотел сказать, что мне очень нравится ваше имя! – впопыхах постарался я уладить ситуацию. – Раиса... Как рай! Нескучное такое. Только Ивановна потом немножко все портит. Сначала рай, а потом на тебе... Ивановна...

– Простите, нам пора, – вцепилась мама в мое предплечье и поволокла к двери, пока глаза учительницы все округлялись и округлялись.

Но меня понесло.

– Раиса... Только полетела... Как жар-птица! – голосил я через плечо, широко жестикулируя свободной рукой. – И сразу – бац! И упала в курятник...

Мама распахнула дверь и вытолкала меня почти что пинком в коридор.

– Кто тебя за язык тянет?! – процедила она с бешеным взглядом, стоило замку щелкнуть.

Мимо нас прогуливались празднующие старшекласники. Мама недовольно покосилась на них, и я понял, что обязан им несостоявшимся синяком на затылке.

– Не знаю, – осунулся я.

– А я знаю! – прогремела мама, вскинула голову и широкими стремительными шагами стала удаляться от меня по тоскливому школьному коридору, справедливо полагая, что я покорно засемену за ней, как брошенный щенок.

Таковым и был мой первый порыв. Но стоило сделать шаг, как что-то меня остановило. «Голос?» – подумал я и прислушался к самому себе. Но в голове моей было тихо. Сначала я даже расстроился из-за отсутствия моего нового невидимого наставника, но быстро отшел растерянность.

– Я и сам могу принимать решения. Я не щенок, – прошептал я одними губами.

Мама завернула за угол, так и не обернувшись. Шаги ее стремительно удалялись.

– Я не щенок! – сказал я уже громче и довольно сердито.

Мои ладони сжались в кулаки, а сердце возмущенно забилося. Где-то довольно далеко открылась дверь и вновь закрылась с протяжным скрипом за прошедшими сквозь нее каблукми. Я топнул ногой и почувствовал, как лицо налилось кровью.

– Я не щенок! – крикнул я изо всех сил, раздосадованный до слез, ударил кулаком в стенку и бросился бежать в противоположную сторону.

Так как это была моя школа, и я соответственно во время перемен успел дотошно изучить все ее лестничные пролеты и ходы, мне не доставило никаких усилий пробраться к заднему выходу, о существовании которого мама даже не подозревала.

Вырвавшись на противный стальной дождь, я накинул куртку, которая, к счастью, оказалась в моих руках, костяшками утер слезы и со всех ног понесся по мостовой. Умом я даже не сразу решил, куда бежать, ноги сами понесли меня в правильном направлении, и когда я наконец вынырнул из водоворота своих мрачных мыслей и огляделся по сторонам, то понял, что именно сюда и никуда больше сейчас и надо было податься. Бежал я по Котельнической набережной.

Впереди торчала высотка, под небом, вспарывая тучи и пряча в них свои башни, как Монблан вершины. Под покровом облаков она казалась еще более недоступной и закрытой для обычных смертных, но я оставил страх и сомнения где-то в школьных коридорах и, наконец добежав, буквально вспорхнул по ступенькам и ворвался в мраморный холл, как хозяин.

Холл был пуст и все также погружен в накопившуюся годами густую тишину, как и в прошлый раз. Внезапно мое прерывистое дыхание из незаметного превратилось в грохочущее, как мотор автомобиля. Холод жег мое горло, а ноги хлюпали в промокших ботинках. Но мне было не до таких мелочей, как самочувствие. Я шмыгнул красным носом и решительно направился к светящемуся вдали лифту.

– Стоять, – раздался тихий могильный голос по левую сторону, и, как и при первом визите, я подпрыгнул от испуга.

Кровь запульсировала в висках, и я с трудом заставил себя повернуть голову. Под спящей пальмой стоял все тот же столик, а за ним сидела все та же консьержка-репейник и держала в прозрачных пальцах все то же вязание. Или уже другое? По сути, это не имело никакого значения. Консьержка смотрела на меня ровным взглядом всезнающего существа, давным-давно отбросившего какие-либо мирские страсти и вожделения. От нее веяло холодом, который не могла скрасить даже экзотическая пальмочка, а воздух донес до меня сырой запах болота. Консьержка ничего не делала. Просто сидела и смотрела. Но тихий ужас положил мне на горло свои ледяные пальцы, и я уже готов был броситься обратно к выходу, как она протянула ко мне свою сухую, как куриная лапа, руку. Я затаил дыхание.

– Его нет, – проговорила она. – Но он оставил тебе это.

– Это? – выдохнул я беззвучно.

Консьержка молчала.

– Ой!

Только теперь я заметил конверт, который она держала в руке. Деревянными ногами я подошел к столу и взялся за протянутое мне письмо. Гладкая бумага приятно хрустнула и сверкнула, поймав блик от люстры. «Адаму» – прочитал я чернильную надпись под длинным ногтем консьержки и потянул конверт к себе. Но бабка держала его цепкой хваткой. Я поднял на нее вопросительный взгляд. Ее бесцветные глаза, прикованные к моим, как будто и не меняли выражения, но за считанные секунды заставляли пережить целый шквал эмоций, главной из которых было острое желание бежать сломя голову на все четыре стороны. Наконец она разжала белые пальцы, и я мигом сунул письмо в карман.

– Сп-пасибо, – кивнул я и уже повернул к выходу, как ее шершавый голос остановил меня.

– Ты не знаешь, кто он, – сказала она все так же ровно.

В кармане я сжал письмо покрепче, словно опасаясь, что бабка выпрыгнет и выхватит его, и покосился на нее с опаской.

– А ты мягкий, как клубок нитей, – продолжила она, перекатывая перед собой фиолетово-красный шерстяной комочек. – Из тебя можно связать, что угодно. Можно сделать так... – Она взяла спицу, поддела несколько нитей и вытянула их из клубка. – Можно так... – Она взяла вторую спицу, вставила обе в лохматый клубок и практически свернула его в восьмерку. – А можно... – она вынула одну спицу, занесла ее повыше и вонзила изо всех сил в шерсть, – и так.

Я съежился, словно острие всадили мне в грудь. Консьержка вынула спицы из несчастного растрепанного клубка и собрала его обратно в более-менее правильный шар.

– И все это не так уж страшно. Если когда-то у тебя появится вот это.

Медленно и очень аккуратно она вставила спицу в еле живой клубок, который не рассыпался только благодаря ее рукам, и разомкнула ладони. Пронизанный твердой спицей клубок, вместо того чтобы распасться, остался шаром.

– Но вот это, – указала консьержка на держащую спицу, – должно быть твоим.

Я медленно кивнул. Не потому, что все понял, а потому, что мне хотелось поскорее убежать. Образы клубка и спиц остались гравировкой в моем мозгу, и я знал, что смогу в любое время достать их, покрутить, рассмотреть и подумать хорошенько наедине с собой.

– Иди, – сказала бабка.

И я пошел. Не оглядываясь. Что-то говорило мне: если я обернусь, то не увижу больше ни ее, ни стола, ни пальмы. И тогда мне станет по-настоящему жутко. Сначала я шел сдержанно, потом все быстрее и быстрее. А выскочив за тяжелую дверь, я снова побежал, полетел с разбегающимися лапами незастегнутой куртки по черному асфальту и затягивающимся тонким льдом лужам. Я бежал и бежал, бежал и бежал, сам дивясь своей выдержке. И не понимая, зачем я бегу, так как домой мне совершенно не хотелось.

Не буду описывать оглушительный ор, который встретил меня в родительском очаге. Ни ор, ни тряски, ни угрозы... В этот раз извиняться или делать какие-либо шаги к примирению никто не был намерен. Получив великолепную причину отвести чувства на ребенке, родители выплеснули на меня всю накопившуюся от непростой жизни злость и фрустрацию. Так как неуспеваемость в школе была самым главным детским грехом, еще до непослушания родителям, душу можно было отвести по полной программе, не опасаясь даже осуждения соседей. Я же вытерпел все молча и стойко, мысленно держась за письмо в кармане куртки, которую успел повесить на крючок в коридоре, и не опасался за сохранность моей драгоценности. Потому что на тот момент потерять письмо было гораздо хуже, чем потерять год в школе. Второе было восполнимо, первое – нет. Я был так безучастен, что даже пожалел старающихся зря родителей.

Наконец они и сами осознали бессмысленность этой телесной и моральной порки и отправили меня в комнату, как в заточение. Соврав, что мне надо в туалет, я по пути прошел мимо куртки и достал заветное письмо. Шелковистая бумага была слегка влажной, и я уже испугался, что дождь мог размывать чернила, но тревога моя была напрасной.

Сбросив мокрую одежду и укутавшись в одеяло, я аккуратно вскрыл конверт. Лампу я решил не включать, и только мягкий свет ночника оживлял четкие черные буквы на толстом листе цвета слоновой кости. В этот раз Барон напечатал свое послание на печатной машинке, справедливо полагая, что я могу не разгадать его почерка. Сквозь всю мою густую, как смола, ненависть к школе пробился тонкий лучик благодарности к этому учреждению, которое заставило меня хотя бы научиться исправно читать. Так как обратиться за помощью в этом конкретном случае было решительно не к кому.

«Дорогой мой Адам, – читал я медленно вслух, и меня сразу обуял страх, что впереди будет какое-нибудь слово или предложение, которое я не пойму. Но угловатые значки быстро затянули меня в письмо, как в беглый ручей, и мне ничего и не надо было делать, как просто

плыть по течению. – Если ты думаешь, что я пропал после нашей встречи, то ты ошибаешься, – писал Барон. – Мне прекрасно известны все твои незаконные походы по зоопаркам, по нашему действительно прекрасному метрополитену и паркам аттракционов. Мне также известны твои недопонимания в школе. Поверь мне, я точно не буду тебя ругать. Этим занято уже достаточное количество людей. Напротив. Я полностью разделяю ход твоих мыслей и поощряю твои старания. Вероятно, я слишком сложно выражаюсь, хотя и так кропотливо выбираю каждое слово. Если коротко, то я полностью на твоей стороне, Адам. Ты все понял правильно. Ты на верном пути. Но ты забываешь об одной важной детали. О хитрости. Если делать то, что ты хочешь, без хитрости, тебя быстро сломят. Сначала заставят остаться на второй год в школе, потом отправят в интернат, а потом в психушку или в тюрьму. Надо быть хитрым. А хитрость – это, между прочим, серьезная работа. В твоем конкретном случае, хитрость – это учеба. Да, Адам. Все-таки придется поучиться. Придется сейчас потратить сколько-то времени на уроки и занятия, чтобы от тебя отстали. Чтобы все были довольны и отвернулись от тебя – умного и надежного. И тогда-то ты сможешь бежать, куда захочешь. Школу надо перетерпеть. Отмучиться. К сожалению, без этого никак. Ты умный, Адам. Будь еще и хитрым. И тогда тебе с рук сойдет гораздо больше, чем ты можешь себе вообразить. Это мое наставление, да. Учись. Работай. А потом гуляй пуше прежнего.

Я скажу тебе еще больше. В пятом классе – сейчас тебе кажется, что это время никогда не настанет, но, поверь, настанет гораздо быстрее, чем хотелось бы, – в пятом классе ты выберешь французский. Ты будешь его ненавидеть, но ты будешь его учить. Когда тебе будет казаться, что ты скорее подавишься своим языком, чем выговоришь какое-то слово, ты возьмешь себя в руки и будешь его учить. И тогда тебе откроется дверь в тот город, о котором пока даже мечтать еще рано. Просто поверь мне. Там мы и встретимся с тобой. И только там. А если ты не справишься и тебя не возьмут... То уж прости. Я не хочу показаться жестоким, но иначе никак.

Я верю в тебя, Адам. *A bientôt*²».

Последнее я, естественно, не то что не смог произнести, а попросту не знал таких букв. Выглядели они как послание из космоса. Я подозревал, что они имели некое отношение к упомянутому французскому языку, что делало их однозначно нерусскими, и уже от одного этого неземными.

В тот вечер я заснул с письмом под подушкой и со смешанными чувствами в груди. С одной стороны, меня грело осознание того, что Барон не забывал и не оставлял меня на протяжении этих месяцев. Я был не один в своих походах, не один со своими проблемами. Просто не один. С другой стороны, надеяться на следующую встречу в ближайшее время явно не приходилось. А временная и территориальная – какой такой город, о котором рано было еще даже мечтать? – отдаленность делала ее и вовсе призрачной.

Тогда я решил до поры до времени держаться за те немногие материальные вещи, которые свидетельствовали о присутствии Барона в моей жизни. Помимо письма это были записка и карманные часы с девятью стрелками, которые я отныне таскал с собой повсюду. То и дело я открывал их, втайне от посторонних глаз, и любовался моим безвременьем. Как и требовал Барон, я начал снова учиться. Причем с таким рвением, что дивились не только родители и учителя, а и я сам. Мотивация встречи с Бароном оказалась самой мощной на свете.

И, конечно, он оказался прав. Как только взрослые поняли, что моя старательность не просто кратковременное явление, а надежная константа, они словно забыли про меня, и я смог предаваться поискам приключений с головой. Я искал новизну, и я чувствовал свободу. Все больше и больше. И мне казалось, что я умнее всех остальных. Умнее всех, кроме одного человека. Моего наставника. Но я был чертовски доволен собой.

² Увидимся (фр.).

В пятом классе я покорно выбрал французский. Я плевался от невозможного произношения и замудренной грамматики, я люто ненавидел Францию и придумавших такую назальную несусветицу французов, я всерьез собирался бросать это дело несколько раз, но всегда вовремя успевал опомниться. Не для того же я потратил столько лет за учебниками и зубрежкой, чтобы потом сдать практически перед целью. Я держался. И в конце концов неожиданно добился ее. Той самой цели.

В восьмом классе, спустя три года мучений с этим неподдающимся языком, школьный оргкомитет с какого-то перепугу решил сделать нашему классу подарок. Сославшись на спонсорские деньги, нас отправили на закрепление французского в тот самый город, о котором до тех пор невозможно было даже мечтать. Еще сидя на чемодане в аэропорту, я никак не мог поверить, что это действительно происходит. Мне казалось, что нас должны остановить то на стойке регистрации, то на паспортном контроле, то на посадке. Остановить, рассмеяться и сказать, что все это было розыгрышем. Однако нас не останавливали, а пропускали. Пропускали и пропускали. Но я все никак не верил в эту сказку. Боялся поверить. Хотя где-то в животе уже закралось то сладкое и горячее предвкушение, на которое спокойно можно положиться, потому что оно никогда не бывает зря.

И тем не менее, только когда самолет оторвался от взлетной полосы и я впервые почувствовал то приятное головокружение, которому гораздо позже суждено было стать моим главным наркотиком, я наконец поверил, что лечу в Париж.

14

Больше всего этот город поразил меня не равномерной безупречной красотой, неземной элегантностью или атмосферой бархатно-богемного волшебства, а совершенно необъяснимой знакомостью. Со своей стороны, я ожидал отчужденного восхищения, подобающего инопланетянину, приземлившемуся на некой невиданной планете, и был просто-напросто ошарашен чувством глубокой узнаваемости.

Я даже впервые всерьез задумался над теорией реинкарнации и проживания нескольких жизней, доселе вызывающей у меня один снисходительный смех. А тут я никак иначе не мог объяснить себе, почему место, в котором я точно оказался впервые в жизни, резонировало во мне с такой мощью, что я даже мгновенно перестал спотыкаться о ненавистные французские слова и бросился в кипящий водоворот парижской речи с паразитической отвагой.

Я кокетливо просил молоденькую официантку в отеле добавить кипятка в чайник, торговался с арабами в сувенирных магазинах, спрашивал дорогу, когда смущалась даже учительница, и требовал в булочных свежих круассанов. В общем и целом я был так увлечен игрой в коренного парижанина, что время от времени даже забывал думать о предстоящей встрече с Бароном.

А в том, что ей суждено было состояться, я не сомневался ни секунды. Я выискивал его глазами в толпе на улице, в метро, дергался за каждым высоким, длинноволосым, седым мужчиной, боялся не узнать его по прошествии стольких лет. Хотя не узнать Барона было практически невозможно. Он никогда не мог бы измениться настолько, чтобы потерять свою уникальность и слиться с массой. Я так нервничал, что начал грызть ногти, и каждый раз одергивал себя, когда заставал с рукой во рту, так как Барон точно не одобрил бы таких варварских привычек.

Нашу обезумевшую от бушующих подростковых эмоций группу сопровождающие учительницы исправно таскали по музеям и дворцам, а по вечерам бдили в фойе отеля, отлавливая беглецов. Если эту замызганную комнатку, конечно, можно было назвать фойе. Да и отель был никаким не отелем, а скорее беззвездным пристанищем для малоимущих, коими мы и являлись. Мы жили по шестеро человек в номере, двери которого не закрывались плотно, так что спать приходилось со светом, пробивающимся из коридора, и под никогда не стихающий хохот другой молодежи. Матрасы на двухъярусных железных кроватях были обтянуты скрипучим пластиком, а место было рассчитано столь скудно, что, присаживаясь на нижнем этаже, макушкой мы упирались в верхнюю пружину, из которой потом, пища, доставали запутавшиеся волосы.

Тем не менее жаловаться никому не приходило в голову. Слишком уж эти головы были вскружены свободой и безмятежной романтикой, зашкаливающей даже в присутствии наших строгих надсмотрщиков. Мы ныли от очередного визита в какой-нибудь музей, и даже в Лувре, впечатленные больше стеклянной пирамидой, чем Джокондой, рвались непонятно куда. Главное, чтобы там было поменьше искусства и исторической значимости и побольше темноты и злачности.

Поэтому, когда нас притащили отстаивать километровую очередь перед музеем Орсе, восторга с нашей стороны было маловато. Апрельская погода, которая нас баловала в первые дни, нахмурилась и то и дело пугала ожидающих отдельными брызгами дождя. В конце концов дождь все-таки ливанул с нехилым напором и обдал нас серой волной прямо перед входом, что всем показалось слишком уж обидным и совсем испортило настроение и желание приобщаться к прекрасному.

Сдав капающую куртку в гардероб, я хмуро последовал за вымокшей кучкой одноклассников, уже у входа мечтая о выходе и чашке горячего шоколада. Но стоило мне войти в глав-

ный зал... Честно говоря, я до сих пор не могу объяснить себе всей чарующей особенности этого пронизанного светом места. Свет. Наверное, это и есть один из главных секретов бывшего вокзала. И именно тот факт, что раньше тут стояли поезда. Как и произведения искусства, предназначенные для движения, а не статичности. Но я забегаю вперед. Когда я впервые оцепенел от раскрывшегося передо мной музея, я еще понятия не имел об изначальном предназначении этого здания. Я просто провалился в свет и обещание множества кроличьих нор, среди которых каждый непременно найдет подходящую именно ему.

Правда, на остальных музей Орсе явно не произвел никакого впечатления. По крайней мере, никакого, кроме раздраженной скуки, как и все остальные помещения со слишком большой плотностью старых картин на квадратный метр. Итак, я предпочел затеряться уже во втором зале и продолжить обход в одиночестве. Наказаний я перестал бояться давным-давно и прекрасно жил без этого страха уже лет семь. При этом я заметил, что дело с наказаниями обстоит, как с кусачими собаками. Они кусают именно тех, кто их больше всего боится, обходя отважных стороной.

В задумчивом одиночестве я плыл по залам музея, как по коралловому рифу, отмечая красоту красок, то поверхностно, то полностью окунаясь в разноцветные холсты. Некоторые залы я почти что пробежал, в некоторых задерживался, и как можно чаще пытался выходить в открытое пространство, чтобы полюбоваться на чугунные своды под светящейся крышей. Краем глаза и уха я постоянно отслеживал людей вокруг себя, чтобы не попасться в лапы учителей слишком быстро. Но они, по всей видимости, еще не заметили моего скромного отсутствия, потому что изредка в поле зрения попадала наша групп-пка, тоскливо плетущаяся за широко жестикулирующим гидом. Я же продолжал личный обход в своем темпе, который все набирал обороты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.